

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА»**

**КУРС ЛЕКЦИЙ ПО УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ
СДМ.01 «Христианская (православная) педагогика»**

**Основная образовательная программа специализированной подготовки
магистра педагогики
по направлению 050700.68 - Педагогика,
магистерская программа Духовно-нравственное воспитание**

Составитель: доктор педагогических наук,
Профессор Козлова А.Г.

**Санкт-Петербург
2008**

Лекция 1. Вводная.

Тема: Введение в Православную педагогику

Трудоемкость: 7 часов

Количество аудиторных часов на лекцию: 3 часа

Самостоятельная работа – 4 часа

Цель – осмысление важности Православной педагогики в современной русской цивилизации

Задачи:

- ознакомление с Учебно-методическим комплексом (УМК)
- овладение основами православной педагогики;
- формирование профессионально-значимых качеств личности педагога: доброта, отзывчивость, справедливость, честность, ответственность и др.;
- формирование у студентов стремление к личностному совершенствованию.

Требования к знаниям и умениям студентов.

В ходе изучения курса студенты должны овладеть следующими знаниями в свете православной культуры:

- основ общечеловеческих ценностей;
- историко-педагогические идеи и факты православного воспитания и образования;
- основ христианской антропологии;
- основ духовного развития личности;
- основ православного семейного воспитания.

Студенты должны овладеть следующими умениями:

- сравнивать содержание христианской педагогики с другими педагогическими системами;
- анализировать педагогические ситуации с позиции христианской этики;
- оценивать жизненные явления с позиции нравственного отношения к миру;
- ставить ближайшие и перспективные цели духовного и нравственного совершенствования, а также находить способы их достижения.

Изучение дисциплины завершается сдачей экзамена.

План изложения

1. Знакомство с Программой дисциплины и требованиями к ее изучению
2. Педагогика как область социально-общественной деятельности. Связь педагогики с господствующим в обществе мировоззрением. Предмет педагогики. Воспитание, обучение и развитие.
3. Православная педагогика как область науки. Полемика о существовании православной педагогики.
4. Предмет, цели и задачи Православной педагогики. Актуальные вопросы православной педагогики. Содержание и особенности православной педагогики и отличие ее от других педагогических систем.
5. Основные понятия в Православной педагогике.
6. Исторический экскурс в развитие и становление православной педагогики

1. Знакомство с Программой дисциплины и требованиями к ее изучению



СРЕТЕНИЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ИКОНЫ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ 26 ИЮНЯ / 8 СЕН- ТЯБРЯ

Возлюбленные братья и сестры! Сегодня нас собрала и соединила любовь к Божией Матери, нашей общей Матери. И мы, собравшись за Божественной литургией, вспоминаем все те благодеяния, которые даровала нам Божия Матерь. Нет более высокого чувства, чем чувство благодарения Богу. Это – самое чистое и высокое чувство. Потому что чувство покаяния, чувство смирения необходимы. Но, самым высоким чувством является именно благодарение.

Иеромонах Иов (Гумеров)

- Работа над текстом Программы, ознакомление с требованиями обучения.

Задача: - Ознакомление с Учебно-методическим комплексом:

1. Шестун Евгений, протоиерей. Православная педагогика. – М.: Прогресс, 2001. – 576 с.

2. Маслов Николай Васильевич - ОСНОВЫ РУССКОЙ ПЕДАГОГИКИ. Православное воспитание как основа русской педагогики (по трудам схииеромонаха Иоанна (Маслова) Издание 3-е, исправленное и дополненное, 2007.

2. Педагогика как область социально-общественной деятельности. Связь педагогики с господствующим в обществе мировоззрением. Предмет педагогики. Воспитание, обучение и развитие

2.1.1. Педагогика как область социально-общественной деятельности. Связь педагогики с господствующим в обществе мировоззрением. Предмет педагогики. 2. Воспитание, обучение и развитие. 3. Содержание и особенности православной педагогики и отличие ее от других педагогических систем.

1. Напомним, что слово «педагогика» переводится с греческого как «детоводительство». Так называли слугу, который препровождал ученика к учителю (дидакалу). Со временем это слово приобрело и новое значение - педагогией стали называть искусство воспитания детей, а также науку о воспитании. Как область общественной деятельности педагогика порождена самой жизнью. Она возникла вместе с обществом и умрет, видимо, тоже вместе с ним. Именно через воспитание общество репродуцирует себя, то есть обеспечивает свое воспроизводство.

На протяжении всей истории развития человечества можно видеть не только разные личности педагогов, но и разные педагогические системы. Откуда же рождается та или иная педагогическая система? В каком отношении находится педагогика с общественным сознанием данного времени?

Если мы посмотрим на любое общество, то обнаружим некий комплекс доминирующих идей, систему ценностей, некую идеологию, через которую общество не только осознает само себя, но и формулирует свои императивы, то есть систему долженствований. Она рождается из естественной потребности развития, так как любое общество стремится не только себя воспроизвести, а как бы дойти до совершенства в самом себе, преодолеть противоречия и пороки сегодняшнего дня. Эта-то система долженствований, а проще, правил и закладывается в основу педагогики - этим правилам начинают учить детей. Таким образом, педагогика отражает не только нравы конкретного исторического общества, но и то, как общество хочет жить, как оно мыслит себя в будущем. Этим и обусловлено содержание образования в каждую конкретно-историческую эпоху.

Пример. Общественным идеалом Древней Греции был всеобъемлющий принцип гармонии. И ценность человека невольно зависела от того, насколько он сам гармоничен, то есть разносторонне и целостно развит. Это и определяло педагогическую систему греков - установка делалась на гармоническое воспи-

тание. Знакомый всем тезис «В здоровом теле - здоровый дух» невольно отразился и в педагогической системе Греции. Духовное, сущностное начало вещей невольно оказывается здесь в подчинении у пленительной и совершенной материальной формы - греческая школа вся устремлена к воспитанию эстетического сознания, к идеалам прекрасного в разных областях жизни. По сути, только прекрасное и понимается как жизненно необходимое и достойное. Отсюда греческая школа стала школой искусств: гимнастикой она стремилась развить тела своих воспитанников, музыкой - их способность пластично двигаться. Даже изучение грамматики носило эстетический характер - это было постижение внутренней структуры языка, которая открывала дорогу риторике - столь любимому в Древней Греции искусству говорить.

Проходит некоторое время, и школа принципиально меняет свой характер. Средние века привели с собой новую жизнь. Проповедь христианства перевернула представления человечества о ценностях. В общественном сознании возникают новые идеалы, которые ложатся в основу новой педагогики. Рождается христианская школа, в которой основное внимание уделяется вопросам духовного воспитания. Музыка и гимнастика исчезают бесследно, но вот что примечательно, в Александрийской христианской школе и риторика не преподается, а, наоборот, считается вредной наукой, порождающей в воспитанниках соблазнительные навыки пустословия и празднословия. Все внимание теперь сосредоточено на внутреннем развитии личности, на воспитании души и укреплении духа.

Проходит еще некоторое время, и новая историческая эпоха заявляет о себе новыми общественными устремлениями. Возрождение воскрешает интерес к эстетическим идеалам древности и силится сопрячь их с духовным багажом христианства. В общественном сознании вновь появляется внимание к личности человека, к его индивидуальным духовным и душевным переживаниям.

Через несколько веков эпоха Просвещения выводит на арену общественной жизни новых кумиров: естественные и точные науки, - рождается новое мышление, мышление естествоиспытателя.

Школа отражает каждый период истории человечества. Мало того, в одно и то же историческое время противоборствующие общественные и духовные тенденции обычно порождают каждая свою школу. Мы здесь говорим не только о содержании образования, но и о формах и методах самого школьного дела. Идеалы школы не являются ее собственным порождением - они укоренены в обществе.

Таким образом, можно дать следующее определение педагогике:

- Педагогика - это непрерывный общественный процесс воспитания детей, текущий в глубине любого общества, который своим содержанием и формой точно отражает основной комплекс идей, бытующих в обществе, способы организации жизни конкретно-исторической эпохи и ее основные общественные тенденции и противоречия.

2. Педагогику как общественное явление принято условно делить на несколько областей. Прежде всего это воспитание и обучение. Они представляют собой диалектическое единство, но вместе с тем можно вычленить круг специальных интересов каждой.

«Сейчас насущно важно пробудить в людях
истинно христианский дух,
христианский взгляд на жизнь
и христианское понимание смысла жизни»
архим. Иоанн (Крестьянкин)

Слово «педагогика» в разных вариантах преследует нас с детства. Обычно оно несет на себе печать запыленной скуки, официоза отделов народного образования или карающего меча школьных педсоветов. И редко, когда с этим словом ассоциируется личность конкретного человека, наполняющего его живым духовным опытом, мудрой теплотой и светлым, трезвым разумом. Научную педагогическую теорию, своего рода инструкцию к праведности, можно уподобить громоздкой, аляповатой багетной раме, в которой размещается хрупкое, субтильное сознание ученика. Рамка гордится своей основательностью, а сам образ в ней чахнет и теряется. На самом-то деле, они нужны друг другу – рамка и содержание.

Как известно, для успешного решения проблемы, в первую очередь, важна точная постановка главной задачи. На мой взгляд, для православной педагогики в настоящий момент таковой задачей является не обучение правилам поведения в религиозной системе ценностей, и даже не прикосновение к основам православной культурной традиции. Очевидно, что эти вопросы вторичны на пути обращения к Богу, и ими можно наполнить без всякой духовной пользы память любого робота.

А вот возрождение в человеке потребности и готовности к восприятию мира духовного, его основных свойств и законов – божественного начала, свободы, любви, приоритета небесного перед земным, устремленности сердца к небесному, чтобы «духом пламенеть и о горнем помышлять», должно являться основным предназначением современной православной педагогики.

Казалось бы, кто будет с этим спорить – об этом все Евангелие и все серьезные книги. Но, тем не менее, сознание человека занято как раз поиском не Царства Небесного, а земного с помощью Небесного. Православная педагогика могла бы поменять ситуацию. Например, начав со следующих усилий.

Во-первых, необходимо четкое осмысление самими педагогами предмета разговора, каким его видел Христос, как главный и единственный Учитель и Наставник. К счастью, это дается не обучением в семинарии или на курсах катехизации. К счастью – потому, что невозможно обучить ни вере, ни любви, ни свободе. Можно только ими заразиться, увидев, услышав, родившись. Как это произошло с Нафанаилом, которому было сказано – «иди и виждь». Он пришел и нашел, кого искала его душа – Сына Божия.

Да, не каждый встанет и пойдет искать. Не каждый узнает Христа. Не каждый услышит и поймет Его. Но тогда о чем и о Ком педагог будет свидетельствовать? К какому Богу он будет звать слушателей и к Богу ли вообще? Может быть к закону, к народным традициям, к моральному кодексу и государственному послушанию, к общепринятому мнению, освященным авторитетом церковного имени. Но тогда это вновь выродится в идеологическую педагогику с православными терминами. Христу там места может не оказаться. Что же? Ничего не говорить и ничему не обучать, если нет таких святых людей, познавших Христа? Они, конечно, есть, но слушаем ли мы их? Ибо смотрим на них либо на фотографии, либо уже на иконы. Раньше не успеваем рассмотреть.

Как же быть? Спросить себя, святых, Божию Матерь, наконец, Самого Христа – как мы поняли Его. Что мы хотим и можем о Нем поведать. Ведь Он Сам сказал «Идите и научите... уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф.28:19). Значит только то, что Он повелевает и никто другой. А до тех пор надо вопрошать.

Так св. прав. Иоанну Кронштадскому было открыто нечто о педагогике, которую он в первую очередь понимал, как воспитание сердца.

«Стоит ли говорить, что воспитание должно преобладать, как простота или целостность сердца... Самый принцип воспитания сердца состоит в раскрытии его сокровенной глубины для принятия в себя Христа и Его слова... Один только есть Учитель, Который собственно научает – Христос. Его слово нас научает. Где нет Его слова внутри нас, там слова все звенящие – шум пустой».

Во-вторых, потребуется максимально адекватная и честная оценка почвы, в которую православная педагогика намеревается сеять семя Благой Вести, или, по крайней мере, готовить почву для этих семян. Для этого мы должны не пря-

тать голову в песок перед недавней историей, современным моментом, не упрощать и не искажать проповедь о Благой вести на потребу аудитории.

В-третьих, не должно быть забыто, что призвание православной педагогики – создавать почву для Божьего Слова, сеять семя Божие, а не человеческое и плоды ожидать Божии не иначе, как по законам притчи о сеятеле. Ибо сеять может и «Апполос и Павел», но возвращает Господь. Это означает, что задачи педагогики шире чем, узкое образование по религиозным дисциплинам – а именно, воспитание внутренней культуры, воспитание сердца как это видел св. прав. Иоанн Кронштадский.

Вместе с тем православная педагогика не должна претендовать или создавать иллюзию, что она может решить и исправить все социальные, государственные, экономические, национальные проблемы страны.

Педагогика, как живой опыт познания истины и откровения о ней, востребована всегда.

В нынешние же дни она особенно актуальна, потому что все определеннее звучит дискуссионный вопрос православного образования, миссионерской и пастырской практики перед широкой аудиторией.

А аудиторией являются, по преимуществу, люди, долгие годы находившиеся в языческой и богоборческой атмосфере, и их дети. Они были жертвой той въедливой коварной педагогики, которая воспринималась быстро и проникала глубоко. Она присвоила понятия и термины добра и света, но стрелы и энергия ее были направлены на пробуждение низших, темных сторон человеческой личности. Очень быстро сознание человека восприняло исковерканную, бездуховную картину мира. И уже под действием дьявольской педагогики, человек убедил себя, что такая позиция это его свободный и разумный выбор.

Личность претерпела преобразование, но не фаворским светом, а тьмой искусителя. В основе бытия утвердилось мировоззрение с вульгарным, бытовым материализмом партийной необходимости, которое охватило все сферы жизни – работу, отдых, любовь, культуру, искусство, науку, семью. Подобие Божие было сознательно отвергнуто большинством народных масс.

Педагогика вместо средства просвещения и воспитания в духе истины стала главным инструментом богоборческой и человекоборческой идеологии.

В кратчайшие сроки был сформирован действительно новый тип человека. Главным мотивом, которого была хула и попрание Бога, а на Его место создание божества из твари. И только, благодаря малому остатку – новомученикам Российским, Господь сохранил ростки веры.

Это мы должны это сознавать и помнить сейчас не для суда и ропота, а для продуктивной работы. Ибо православной педагогике досталась в наследство аудитория, претерпевшая именно такую метаморфозу. И сегодня, именно к этой среде, мы пытаемся обращать миссионерские усилия и предлагать христианский образ мышления и жизни.

Поэтому целесообразно понимать православную педагогическую науку не как науку или теорию преподавания предметов веры и уж тем более, не как подчиненный инструмент религиозной идеологии или политики для воспитания и образования послушных граждан церкви или государства. Нельзя в ней видеть панацею для создания нравственного праведного народа и преуспевающего государства.

Для предотвращения ошибок прошлого лучше относиться к православной педагогике – как живому свидетельству о живом Боге, единственно возможном Учителе и Наставнике Иисусе Христе. О чем Он сказал Сам: «Отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник – Христос» (Мф.23:9).

Опыт Церкви в лице св. Тихона Задонского может помочь нам в нужном понимании православной педагогической науки: «Рассудим о некоторых обстоятельствах (из священного Писания), чтобы из них поучиться с помощью Божией как к любви Христовой возбудиться». Вот он главный мотив христианства, как понимал его святитель. Его он и стремился вложить в свою паству, оберегая веру от всевозможных человеческих подмен.

Ведь чаще встречаются словесные поучения и наставления устрашающие, угрожающие, утверждающие непобедимую силу греха. Звучат слова похожие на слова святых, но как бы потерявших силу и соль любви.

В нынешнем океане религиозной и псевдорелигиозной литературы таких книг множество. За частными вопросами аскезы, однообразных описаний гибели грешников, о многочисленных чудесах, покоряющих воображение часто теряется понимание главного – зачем все эти труды и лишения. «Зачем рано вставать и поздно ложиться»? В огромном множестве современных книг и брошюр, наставляющих верующего, как правило, в благочестивой жизни – как ему верить, кому от каких болезней молиться, в каких грехах каяться, как готовить постную пищу, кто погибнет, а кто спасется, легко запутаться в понимании, что в них главное и что второстепенное. Не понятно как и чему радоваться, в чем любовь и милость Божия к страдающему человеку.

Православная педагогика должна учить мыслить свободно и самостоятельно, не боясь размышлять над словом Божиим и опытом святых в свете Евангелия.

Пожалуй, самым оптимальным условием для действенности педагогики является диалог между двумя сторонами, который начинается с умения слышать и внимать всем своим существом. Педагогом и учеником может быть в разных ситуациях, а нередко одновременно и тем и другим, любой человек, старец или младенец, верующий или атеист. Для восприятия урока от человека ли, от природы ли, от радостных или горестных событий жизни, необходима внутренняя тишина и трезвое, правдивое отношение к самому себе.

Одним из признаков живой и мудрой души является жажда и способность учиться у окружающего мира. Это нечто большее и иное, чем школьная любознательность или научная пытливость. Такое свойство ближе к евангельской нищете духа и смирению. И хотя в полной мере оно удел немногих, каждый из нас рождается с геном поиска божественного смысла и познания мира.

Так В.В. Зеньковский, размышляя о месте педагогики в православии, считает, что: «Речь идет не о том, чтобы искусственно связать истины Православия с проблемами и построениями современной педагогики, а о том, чтобы раскрыть внутреннюю связь подлинных и серьезных достижений современной педагогической мысли с тем глубоким пониманием человека и его судьбы, какое развивает христианство».

Понимание человека, ценности его личности должно определять и всю православную педагогику, ее назначение и ее характер. А для современной педагогики и аудитории это особенно актуально. Потому что ценность человеческой личности умалена и утрачена как никогда.

Можно сказать, что в прощальной встрече с Петром Иисус выразил суть всей пастырской педагогики: «Симон Ионин любишь ли ты Меня больше, нежели они. Петр говорит Ему. Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус ему говорит – паси овцы Моя» (Ин. 21:15).

Для христианского понимания человека характерно восприятие его, как гармоничное единство тела, души и духа, которые не противопоставляются друг другу, как злое и доброе. Такое понимание человека, требует от нас стремления к восстановлению внутренней гармонии между психофизической и духовной сторонами личности, не считая тело – скопищем грехов, которое нужно заморить голодом или обезобразить, чтобы душа расцвела.

Фактически можно сказать, что педагогика может содействовать решению первостепенной задачи в формировании верующей души. Таковой прежде всего является воспитание понимания и уважения ценности человеческой личности, как творения Божия, независимо от принадлежности к той или иной религиозной системе. Если в человеке разрушено или не воспитано терпимое, открытое,

миролюбивое, хотя бы просто доброжелательное и уважительное отношение к другому, к иному, чем он сам, то в его душе не сможет вместиться дух Христов.

А для большинства сегодняшней аудитории это оказалось, к сожалению, самой острой проблемой. Общество, начиная с детского сада, кончая государственными организациями пронизано губительными установками: «свой – чужой». Патологическая агрессивность к другому вероисповеданию, другой нации, другой культуре, и даже цвету кожи. Эта духовная и национальная трагедия, которую должна учитывать православная педагогика, как начальные условия своей работы.

Если человек убежден в своей избранности и в превосходстве над другими, неважно на каком основании, его душа будет закрыта к заповедям блаженства. Если одна Божия овца будет научена попирать и отвергать внутреннюю свободу и право другой овцы быть иной, то для нее будет закрыт путь к смирению, а значит к Богу.

Если православная педагогика будет направлена на развитие и воспитание сугубо религиозных, церковных сторон бытия, то это слишком сузит ее возможности и предназначение.

Будет гораздо лучший результат, если православная педагогика, вооруженная глубоким и универсальным опытом и истинной целенаправленностью, будет открывать перед любым человеком его личную ценность пред лицом Божиим и перед самим собой.

Поэтому каждый разговор и каждая встреча о вере и церкви должны быть насыщены и освещены присутствием такого высшего смысла и ориентации, которая звучит в евангельских словах: «Ибо написано: будьте святы, потому что Я свят» (1 Пет.1:16) – только одна эта фраза может душевно исцелить и окрылить любого унывающего, не верящего в себя «неудачника» и закомплексованного человека.

Христианское понимание ценности человеческой личности должно быть поставлено во главу угла любой педагогики, а уж тем более православной.

Следующий шаг, что может помочь сделать православная педагогика – это развитие интереса к духовной жизни, дать ее правильное понимание и уточненные понятия. Освободить их от тяжеловесности и безжизненности, потому что «буква убивает, а дух животворит». Она может вдохнуть в человека веру в свои возможности и призвание быть учеником Христовым, а не жертвой омертвевших стереотипов религиозности, для которой характерны увлечение механическими вычитываниями не понимаемых текстов, посещение святых источников

и купание в них, именно в самые большие холода, соблюдение гастрономических постов, как главное проявление веры христианина.

Подводя итог можно повторить известные слова: Все педагогические усилия от человека – результат и Спасение от Бога. Ибо: «Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Ин.3:3).

2.2. Православная педагогика как педагогика русской цивилизации

Опровержение существования универсальной педагогики

Типы цивилизаций. - Взаимодействие цивилизаций. - Виды деятельности, определяющие особенности культурно-исторических типов. - Религия как главенствующая сторона жизни русского народа.

Большинство историков и философов признают, что европейская цивилизация тождественна цивилизации общечеловеческой. Такой взгляд основан на гегелевской философии истории. Опираясь в своих рассуждениях на понятие «мировой дух», Гегель обосновывал связанность, единство и всемирность исторического развития человечества. По Гегелю, мировой дух воплощается не во всех народах, а только во всемирно-исторических.

Н.Я. Данилевский в своей книге «Россия и Европа» выдвигает иную концепцию. По его мнению, ***общечеловеческой цивилизации нет и быть не может***, существуют различные культурно-исторические типы цивилизаций. Эта точка зрения получила распространения благодаря немецкому философу Освальду Шпенглеру, издавшему свой известный труд «Закат Европы» через полвека после выхода книги Данилевского.

Данилевский считал, что цивилизации не передаются от одного культурно-исторического типа другому, но происходит их воздействие друг на друга. Самый простейший способ распространения цивилизации - это пересадка с одного места на другое посредством колонизации. Если признавать наличие общечеловеческой цивилизации, то этот способ был бы самым распространенным; он связан либо с уничтожением народов, не приемлющих и мешающих распространению этой цивилизации, либо с лишением этих народов политической самостоятельности.

Истинно плодотворное воздействие более развитой цивилизации на вновь возникающую происходит, когда сохраняются политическое и общественное устройство, быт, нравы, религиозные воззрения, когда сохраняется самобытность. При этих условиях народы иного культурного типа могут принимать из чужого опыта то, что стоит вне сферы народности, то есть результаты и методы науки, достижения промышленности, технические приемы, усовершенствования искусств. Все относящееся к познанию человека и общества, практическо-

му применению этого познания, не может быть заимствовано, а может быть лишь принято к сведению для сравнения, ибо чуждые общественные начала не имеют общеприменимого значения (3. 99-101).

Чтобы выявить особенности культурно-исторического типа, необходимо определить основные стороны народной деятельности, выражающие разнообразие исторической жизни. Данилевский Николай Яковлевич (1822-1885) выделяет четыре основных, по его мнению, вида деятельности.

1. Деятельность религиозная, объемлющая собой отношения человека к Богу, понятие человека о своей судьбе как нравственно неотделимой от судьбы человечества и вселенной. Другими словами, речь идет о народном мировоззрении, но не как теоретическом, доступном немногим, а о твердой вере, составляющей живую основу всей нравственной деятельности человека.

2. Деятельность культурная, в узком значении этого слова, объемлющая отношение человека к внешнему миру, которая проявляется в следующих направлениях: научно-теоретическом, эстетико-художественном (к внешнему миру относится и сам человек как предмет исследования, мышления и художественного воспроизведения), технико-промышленном (добывание и обработка предметов внешнего мира в применении к потребностям человека в соответствии с достигнутым теоретическим путем пониманием этих потребностей).

3. Деятельность политическая, включающая в себя отношения людей между собой как членов одного народного целого, и отношение этого целого как единицы высшего порядка к другим народам.

4. Деятельность общественно-экономическая, включающая в себя отношения людей между собой не как нравственных и политических личностей, а опосредовано - как участников технико-промышленной деятельности.

В соответствии с этими видами деятельности осуществляется и передача опыта жизни от одного поколения к другому. Мы видим, что система образования и воспитания должна обеспечить четыре уровня передачи этого опыта: а) духовный опыт, ценности, присущие народу (вера, традиции, семейный уклад, нравственная деятельность), б) творческая культурная деятельность (научно-теоретическая, эстетико-художественная), в) народная, социальная, государственная жизнь, г) опыт трудовых отношений, технико-промышленной деятельности.

Н.Я Данилевский обосновал, что славянские народы составляют особый культурно-исторический тип. На наш взгляд, следует говорить не о славянской, а о русской цивилизации. Русский - это прилагательное, а не существительное. Стать русским - значит приобщиться к особой многовековой традиции, объеди-

няющей все народы в единый не только земной, но и духовный организм. В этом смысле следует говорить о степени приобщения человека к традиции народа, в котором он вырос. Быть русским значит быть жителем не Великой России, а Святой Руси, быть частью русского народа. Не отказываясь от своих национальных корней, человек обретает особые добродетели, которые отличают его и выделяют как русского. Стремление уравнивать все национальности и через их механическое соединение создать абстрактное российское общество напоминает организацию особой общности «советский народ», и это есть ни что иное, как социальная ересь, «национальный экуменизм». Русский народ представляет собой органическое соединение многих национальностей, среди которых ведущую роль играют славяне. Так называемый «российский народ» является народом мифическим. За него пытаются выдать нежизнеспособное механическое объединение обособившихся национальностей.

Обращаясь к России, Данилевский рассматривал результаты и задатки культурно-исторической жизни с четырех принятых точек зрения: религии, культуры, политики и общественно-экономического строя.

Религия составляла самое существенное, господствующее содержание русской жизни. Русскому народу достался исторический жребий быть вместе с греками главными хранителями живого предания религиозной истины - православия, быть продолжателями великого дела, выпавшего на долю Израиля и Византии, быть народом богоизбранным. Религиозная сторона культурной деятельности составляет принадлежность России.

Вывод: Каждая цивилизация, передавая опыт жизни от одного поколения к другому, имеет свои особенности в области народной жизни. Каждая цивилизация ставит свои цели, а значит, определяет и смысл жизни человека, самобытность общественного устройства. Эта сторона жизни не является общеприменимой ко всем цивилизациям, а значит и в области педагогического опыта и педагогических знаний мы имеем специфические особенности. Как нет единой цивилизации, так нет и единой педагогики.

2.3. Цель и смысл человеческой жизни

Основой православной педагогики является христианская антропология. Антропология это учение о человеке: его природе, происхождении и назначении.

Основы этого учения были намечены и развиты Отцами Церкви, исходившими из богооткровенных истин о человеке. Педагогическая мысль находится в зависимости от понимания сущности человека и главной цели его земного бытия.

Епископ Игнатий в «Слове о человеке» писал: «Среди предметов необъятного мироздания вижу себя – человека. Кто я? Откуда и для чего являюсь на земле? Какая вообще цель моего существования? Какая причина и цель моей земной жизни, этого странствования краткого в сравнении с вечностью?... Человек – тайна для самого себя». 1)

Вопрос о назначении человеческой жизни весьма серьёзен, поскольку затрагивает самое существенное для человека: цель его земного существования. Осознав своё подлинное назначение, человек сможет трезво взглянуть и на более мелкие вопросы, которые ему ежедневно приходится решать в общении с людьми, работе, в семье и в сложнейшем деле воспитания детей. Как педагогу, так и родителям невозможно правильно воспитывать ребёнка, не зная главной и конечной цели земного существования человека, достижению которой он (воспитатель) должен помочь.

Какова же истинная цель жизни человека, для чего он сотворен своим Творцом, для чего вселён в этот таинственный мир?

По евангельскому учению, человек бессмертен и имеет своё особое назначение. По отношению к Богу назначение человека состоит в том, чтобы он познавал своего Создателя и прославлял Его, Господь заповедал нам: « Тако да просветится свет ваш пред человеком, яко да видят ваши добрые дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех». (Мф. 5,16). На эту цель человека, как на самую главную, указывали и древние Отцы Церкви. Так, святой Василий Великий писал: «Ты, сосуд благоустроенный, получивший бытие от Бога, прославляй своего Создателя. Ибо для того только ты и создан, чтобы быть достойным орудием славы Божией, и весь этот мир для тебя как бы живая книга, которая проповедует славу Божию и возвещает тебе, имеющему разум, о сокровенном и невидимом величии Божиим, чтобы ты познавал Бога истины». 2)

В Евангелии мы находим также следующее указание Господа: «Будьте совершенны, якоже Отец ваш Небесный совершен есть». (Мф. 5,48). Эти слова Иисуса Христа раскрывают назначение человека в отношении к самому себе.

Согласно евангельскому учению цель жизни человека состоит не только в нравственном исправлении. Мало усовершенствовать себя, стать целомудреннее, мудрее. Всё это необходимо, но не в этом смысл нашей жизни, та конечная цель, для которой наш Творец создал нас. Глубочайший смысл нашей жизни состоит в истинном единении с Богом, в обожении.

Бог по Своему образу наделил человека всеми дарованиями, чтобы он мог восходить на высоту и при их помощи достигать подобия своему Создателю, чтобы быть с Ним в глубоком личном единении.

Человек может достигать обожения. Обожение человека совершают Божественные энергии (благодать), которыми Бог вступает в общение с тварным миром. Для принятия Божественной благодати, для стяжания (т.е. собирание, постепенные приобретения духовных сокровищ – Духа Святого Божия), с нашей стороны необходимо соблюдать следующие условия:

1. Спасение, преображение своей души путём исполнения святых Христовых Заповедей в нашей повседневной жизни, с покаянием и великим терпением, ради очищения от страстей;

2. молитва, которая также очищает сердце от страстей и разжигает искры Божественной Благодати;

3. участие в Таинствах Церкви, в которых подаётся благодатная помощь Божия.

При соблюдении этих условий Христос вселяется в человеческое сердце. Тогда, пленённый любовью Христа, человек перестаёт жить собою и для себя, но живёт Христом и для Христа, творит не свою, а Его совершенную и святую волю. Так человек достигает обожения, без которого исчезает смысл бытия человечества.

Достигнув этой цели человек, находит себе истинное счастье, совершенную радость и покой души, включается в служение высшим целям мироздания и получает высший дар - обетование бессмертной жизни с Богом в вечности.

Обобщить всё выше изложенное можно следующими словами архимандрита Георгия: «Если нет обожения Благодатью, то, что остаётся? Усовершенствоваться нравственно? Но этого мало человеку! Ему не даёт полноты то, чтобы становиться лучше и порядочно вести себя. Его призвание – в единении с Богом Святым. В этом смысл творения всего мира. Вот желанная цель. В ней наша радость, наше счастье, наше назначение». 1)

Русская педагогика - православная по сути

Святость - идеал русского человека. - Личная история человека как часть истории человечества. - Крестоношение как пересечение горизонтальной и вертикальной линий жизни. - Человек - образ и подобие Божие.

При рождении ребенка духовная сторона его жизни не является совершенной. Она повреждена наследуемым от прародителей первородным грехом, который проявляется как склонность ребенка ко греху. В.Д. Шадриков называет это повреждение изначальным злом. «Констатация изначального зла в человеке, - пишет он, - имеет огромное прикладное значение для современной педагогики, формирования теории воспитания. Необходимо отметить, что в настоящее время отечественная педагогика такой теорией не обладает» (9. 66). Духов-

ное исцеление совершается в таинстве крещения - таинстве духовного рождения человека.

Святость - вот идеал, данный человеку в этой жизни, одновременно достижимый и недостижимый. Недостижимый в своей полноте, так как святость не ограничена объективным уровнем, и достижимый для конкретного человека в соответствии с его мерой и возможностями. Святость задает особую норму жизни человека. Нормой становится его постоянный рост, постоянное развитие, или, по словам В.П. Зинченко, «развитие как нормы» (5. 72). «Человеком нельзя быть, - заметил А.А. Ухтомский, - им можно лишь делаться» (7. 492). Показателем развития является сам человек - то, как он меняется по сравнению с собой. Это уже не только развитие как «организма», а личная история человека, которая вплетается в историю человечества (6. 245).

«Личная история» начинается с возникновением индивидуальной психической жизни в момент рождения человека на белый свет. Жизнь дана как индивидуальная, но развиваться вне социума человек не может. Индивидуальная жизнь становится частью социальной жизни окружающих ребенка людей. По мнению Л.С. Выготского, максимальной социальностью человек обладает в младенческом возрасте. Полная биологическая беспомощность приводит к полной социальной опосредованности отношений ребенка с действительностью (1. 305).

С рождения начинается объективное раздвоение жизни человека: стремление к индивидуальному бытию и невозможность обладания этим бытием вне мира. Мир для новой жизни выступает как среда, в которой развиваются специфически человеческие свойства; она, по Выготскому, является источником развития. В деятельности и речевом общении возникает сознание. «Сознание, - писал Э.В. Ильенков, - собственно, только и возникает там, где индивид оказывается вынужденным смотреть на самого себя как бы со стороны, как бы глазами другого человека, глазами всех других людей, только там, где он должен соразмерять свои индивидуальные действия с действиями другого человека, то есть только в рамках совместно осуществляемой деятельности» (4. 264).

Развитие человека в процессе его горизонтального вхождения в жизнь общества не совершается в абстрактном социуме. Каждое конкретное общество выработало свои механизмы самосохранения против эгоистических стремлений составляющих его членов. В развитых обществах - это механизмы не подавления индивидуальной жизни, а механизмы, помогающие человеку в раскрытии его потенциальных возможностей.

Человек, попадая в замкнутый круг самосмотрения себя в другом (по Ухтомскому ситуация «двойника»), жаждет увидеть другого, жаждет свободы и свободного общения (по Ухтомскому «заслуженного Собеседника»), жаждет не только быть в среде, но быть и свободным от нее. Человек всегда ищет другого, вертикального измерения жизни. Он стремится преодолеть границы своей природы, выйти за ее пределы - не разлучаясь с ней, превзойти ее. Человек не только желает обрести индивидуальное разумное существование, но желает обрести свое лицо, жить не только личной жизнью, но жизнью личностной. «Ни общее и социальное не может быть поставлено выше лица, - писал А.А. Ухтомский, - ибо только из лиц и ради лиц существует; ни лицо не может быть противопоставлено общему и социальному, ибо лицом человек становится поистине постольку, поскольку отдается другим лицам и их обществу» (7. 266).

Человек стремится не только к развитию, но и к духовному становлению. Он предчувствует, что истинное человеческое бытие - именно на пересечении горизонтальной и вертикальной составляющих его жизни. Точка соединения - крест - есть место реальной жизни человека. В момент пересечения линий развития и духовного становления человек совершает поступки. Соединить в себе личное и народное, земное и небесное, плотское и духовное - и есть крестная ноша каждого человека, призванного в этот мир.

Общество обязано создать условия не только для развития человека, но и для возвышения этой жизни в мир более высокий, мир личностного, а значит духовного, бытия. Изобрести эти условия невозможно. Они складывались на протяжении тысячелетий, и не каждое общество сумело эти условия в себе создать. Проявляются эти условия в традициях и обычаях жизни народа, основанных на его верованиях. Традиции, обычаи и предания формируют общественную мораль общества. В какой-то мере обычай занимает место инстинкта, это социальный инстинкт общества (6. 69). Когда оно отказывается от выполнения этой функции или утрачивает свои традиции, наступает деградация общества.

«Сила обычая, - пишет В.Д. Шадриков, - в формировании человечности (под человечностью Шадриков понимает духовность - Е.Ш.) заключается в том, что человек усваивает не нравственную норму, а способ действия, который нравственен по отношению к членам закрытого сообщества. В обычае человек живет. Научить обычаю значит научить жить. Без обычая нравственность не входит интимно в сущность человеческого бытия... Через обычай человек идентифицирует себя со своим народом, вводится в свой род, ибо обычай - дух народа, его дела... Свою духовность мы получаем от предков. Она заключена в обычаях и преданиях» (9. 44-45).

Каждый человек, согласно православным представлениям, несет в себе образ и подобие Божие, а значит, каждый человек - великая ценность в очах Божиих. В этих взглядах коренится основа трепетного отношения людей между собой, стремление к идеализации любого другого, который встречается, может быть, первый раз в жизни.

Человек, склонный к жизни, в основе которой лежат критерии самоутверждения и самосохранения, не сможет понять того, что любовь является руководством к познанию и к истине. «Узнает человек до тонкости лишь то, - по замечанию А. А. Ухтомского, - что действительно и прочно любит» (8. 186). Любовь к другому, его идеализация и покаяние в собственных грехах, видимых через другого, - основа социального общения в православной традиции.

Высшего единения достигал православный народ в Церкви, участвуя в таинстве Святого Причащения. Причащаясь плотью и кровью Христовой, все несли в себе единую Плоть и единую Кровь, все становились братьями и сестрами во Христе. Вот почему в православном мире принято обращение «братья и сестры». Таинство объединяло не только людей между собой, но и соединяло каждого и всех с самим Христом.

Главным критерием благоприятности условий, созданных обществом для правильного развития человека в процессе его духовного становления, является душевный покой человека, который возможен, когда человека не обличает его совесть. Такое состояние бывает, если человек не переступает дозволенных границ по отношению к природе, другому человеку и к себе.

Вывод: Особенностью русского (многонационального) народа является практическое совпадение народных и православных религиозных воззрений. Православная традиция определяла уклад жизни человека в России даже в том случае, когда он сам себя не признавал человеком верующим. Исходя из этой особенности, присущей в основном только России, мы считаем, что традиционную педагогику русской цивилизации следует называть православной. Православная педагогика включает в себя не только специфические особенности, но и положения являющиеся общими для всех педагогических систем.

3. Православная педагогика как область науки. Полемика о существовании православной педагогики.

Существует ли православная педагогика? – Такой вопрос задает дьякон Александр ШУМСКИЙ. На первый взгляд, кажется, что никаких сомнений в этом быть не может. Конечно, существует! Но как ни странно, есть мнение, что никакой православной педагогики не может быть, как не может быть православной физики, математики, химии и т.д. А есть просто педагогика. Хотелось бы сделать следующее возражение: гуманитарные науки, к коим, несомненно, относится педагогика, имеют существенное отличие от наук естественных. Действительно, ни математическая формула, ни тот или иной вывод естественных наук не имеют специфической религиозной или национальной окраски, но с гуманитарными науками дело обстоит совсем иначе.

Ведь они напрямую связаны с душевным и духовным миром людей, а совершенно очевидно, что абстрактного «общечеловека» в природе не существует. Каждый человек есть не что иное, как индивидуальное проявление своего народа, в той или иной мере отражающее его дух. И если гуманитарные науки хотя бы имеют дело с реальностью, а не с отвлеченными схемами, они должны говорить не о человеке вообще, а о человеке как представителе своего культурно-исторического типа. Крупнейшие мыслители XIX и XX вв. (Н.Я.Данилевский, К.Н.Леонтьев, О.Шпенглер, Н.С.Трубецкой, К.Леви-Стросс, Л.Н.Гумилев) показали, что так называемая «общечеловеческая цивилизация» — это либо фикция, либо подмена понятий, когда за «общечеловеческое» выдаются и агрессивно навязываются в качестве единственного образца ценности западноевропейской культуры (или романо-германского культурного исторического типа, в терминологии Данилевского и Трубецкого). Все это напрямую относится и к педагогике.

Известно, как много сделал К.Д.Ушинский для развития народной, национальной, православной педагогики, как много времени и сил он отдавал борьбе с засильем немецкой педагогики в России. Германские теоретики утверждали, что они создали универсальную общечеловеческую педагогику. Ушинский блестяще доказал, что это ложь.

Он в частности писал: «Как нет человека без самолюбия, так нет человека и без любви к Отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественную опору для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями. Воспитание, если оно не хо-

чет быть бессильным, должно быть народным. Удивительно ли после этого, что воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у других народов. Народ без народности — тело без души, которому остается только подвергнуться разложению и уничтожиться в других телах, сохранивших свою самобытность. Особенность идеи есть принцип жизни”.

Константин Дмитриевич блестяще сформулировал два основополагающих педагогических принципа: “1) Общей системы народного воспитания для всех народов не существует не только на практике, но и в теории, и германская педагогика не более как теория немецкого воспитания. 2) У каждого народа своя особенная национальная система воспитания, а потому заимствование одним народом у другого воспитательных систем является невозможным”. Еще раз хочется выделить мысль Ушинского о претензии германской педагогики быть универсальной, общечеловеческой, и оказывающейся на деле не более чем теорией немецкого воспитания. Это очень актуально для нас с той лишь разницей, что засилье германской педагогики сменило засилье американской. Но суть от этого не меняется.

Но какова же духовная основа русской национальной педагогики? Без сомнения, это — Православие и созданная им культура «византизма» (термин историка Ф.И.Успенского), ведь именно из Восточной Римской империи (Византии) Русь получила свет христианской веры.

Византизм есть глубочайший корень, фундамент всего культурного организма Юго-восточной Европы, и, прежде всего России. Этот принцип, следовательно, является определяющим в развитии и формировании духовно-нравственных идеалов греков, большинства славян, русских. Под влиянием византизма у этих народов веками воспитывались идеалы государственности, семьи, женщины, воина, системы образования. Таким образом, православная педагогика, являясь неотделимой частью всего организма православной культуры, берет свое начало в фундаментальном принципе византизма.

Существует общепринятое определение науки педагогики. Педагогика — наука о воспитании человека; раскрывает сущность, цели, задачи и закономерности воспитания, его роль в жизни общества и развития личности, процесса образования и обучения. Включает теорию воспитания, дидактику, школоведение. Педагогика связана с философией, историей, психологией, анатомией, физиологией, медициной. Ее отрасли: детская педагогика (пред-дошкольная, дошкольная, школьного возраста), профобразования, семейного воспитания, ву-

зовская, военная, специальная педагогика, методика преподавания учебных предметов, история педагогики. С этим общим определением более или менее согласятся педагоги, представляющие различные системы образования. Но дальше этого их взаимопонимание вряд ли пойдет. Здесь уместно будет обратиться к этимологии ключевых слов педагогики: воспитание, образование и просвещение.

самым принципиальным отличием православной педагогики от других систем воспитания является обращенность к сердцу человека, всепобеждающая сила любви, о которой говорит Иоанн Богослов: “Да любите друг друга”. Интересно, что если латиняне приветствовали друг друга словами: привет тебе, салют, здравствуй, то греки при встрече говорили: радуйся! И в этом “радуйся” — обращенность к сердцу ближнего. Так же преп. Серафим Саровский встречал всех словами: “Радость моя!” Так в одном слове может запечатлеться духовный строй целого народа. Без стремления к этой радости, любви нет никакого смысла браться за воспитание детей. Какова эта любовь, отчасти открывается нам через дивные слова старца Силуана Афонского: “Господь не таков, как мы. Он весьма кроток и милостив, и благ, когда душа узнает Его, то удивляется без конца и говорит: “Ах, какой у нас Господь”. Вот к этому узнаванию Бога должен стремиться и православный педагог, и его воспитанники. Таким образом, в православной педагогике первичной является категория воспитания, а не обучения.

Выдающийся русский православный педагог и ученый Н.И.Пирогов пишет: “Не учивши дитя, можно вырастить круглого невежду, но если его не воспитывать, то оно воспитается собственными средствами. И вся разница будет заключаться в том, что оно может воспитаться дурно, тогда когда могло бы воспитаться разумно и правильно. Словом, от образования некоторого взгляда на вещи, правильного или неправильного, от основания своего рода нравственного кодекса вы его не уберезете”. Лучшие русские педагоги всегда следовали апостольскому учению о “внутреннем человеке”. Тот же Пирогов говорит: “Не спешите с вашей прикладной реальностью. Дайте созреть и окрепнуть внутреннему человеку; наружный успеет еще действовать; он, выходя позже, но управляемый внутренним, будет, может быть, не так ловок, не так сговорчив и уклончив, как воспитанник реальных школ, но зато на него можно будет вернее положиться: он не за свое дело не возьмется. Дайте выработаться и развиться внутреннему человеку! Дайте ему время и средства подчинить себе наружного, из вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное, из вас будут люди и граждане”.

Вопрос о развитии “внутреннего человека” неразрывно связан с самым главным вопросом для православного человека — спасением души. От того, как мы относимся к “внутреннему человеку”, зависит наша вечная жизнь.

Западная педагогика никогда не делала такого акцента на значении “внутреннего человека” в воспитании. Тот факт, что отдельные мыслители, писатели и педагоги романо-германского мира правильно понимают этот вопрос, не меняют общей картины. Западные системы воспитания, основанные на католицизме, протестантизме во всех их современных проявлениях и разновидностях, озабочены совсем, другим. Чем же?

Ответ на этот вопрос нужно искать в принципиальном различии православия и инославия. Вот что по этому поводу пишет архиепископ Сергей Страгородский в книге “Православное учение о спасении”: “Я стал понимать, что разность православия и инославия заключается не в каких-нибудь частных недомолвках и неточностях, а прямо в самом корне, в принципе, что православие и инославие противоположны между собой так же, как противоположны себялюбие, жизнь по стихиям мира, ветхий человек и самоотверженная любовь, жизнь по Христу, человек обновленный. Предо мной встали два совершенно отличных, не сводимых одно на другое мировоззрения: правовое и нравственное, христианское. Первое я назвал правовым, потому что лучшим выражением этого мировоззрения служит западный правовой строй, в котором личность и ее нравственное достоинство пропадают, и остаются только отдельные правовые единицы и отношения между ними... Человек представляется в его отдельности, он живет для себя и только одной внешней стороной своего бытия соприкасается с жизнью общего, — только пользуясь этим общим; даже и Бог с точки зрения человека является только средством к достижению благополучия. Началом жизни, следовательно, признается себялюбие, а общим признаком бытия — взаимная отчужденность всего живущего”. Очевидно, что сказанное имеет непосредственное отношение и к педагогике. Главной задачей православной педагогики является воспитание нравственной личности внутреннего человека, а главной задачей инославной педагогики — воспитание правовой личности, внешнего человека. Утилитарный и правовой подход к воспитанию чужд православной педагогике. Поэт-сатирик XIX в. Алмазов пытался высмеять русский народ в одном из стихотворений:

По причине прозаической
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадьем сатаны.

Широки натуры русские.

Нашей правды идеал

Не влезает в формы узкие

Юридических начал

Хотел высмеять, а пропел гимн Православию и русскому народу.

Интересно здесь привести наблюдение, сделанное современным русским философом А. Зиновьевым в его книге “Запад”. Он говорит о двух секторах образования и обучения на Западе. Он пишет: “Первый (сектор) в основном детей высшего слоя... В первом секторе молодым людям прививают сознание и амбиции будущих правителей, хозяев, вождей и наставников общества. Во втором готовят рабочую силу для предприятий и учреждений. Тут людям дают не знания, а умение работать. Их амбиции искусственно занижаются. Фактически тут производится огромная масса умеющих работать, но невежественных, идеологически оболваненных и манипулируемых людей”. Это предел утилитарности воспитания, где личность рассматривается не как цель, а как средство. Отсюда следует, что скрытой, но главной задачей западных систем воспитания является подавление внутренней свободы человека и замена ее нравственной вседозволенностью. Очевидно, что человек с таким пониманием свободы становится удобным объектом для любых нечистоплотных манипуляций.

Романо-германский культурно-исторический тип выработал понимание свободы как освобождения от Бога; а славянский культурный тип выработал понимание свободы, как свободы ради Бога и в Боге. Для православной педагогики уяснение этого различия имеет огромное значение. В этом понимании свободы кроется тайна невероятной стойкости, которые всегда вызывали удивление, непонимание и раздражение наших западных недругов. Они готовы были объяснять эту терпеливость и стойкость чем угодно, чаще всего рабской психологией славянина, но не внутренней свободой. Им было невдомек, что такие колоссальные напряжения в своей истории русский народ всегда переносил потому, что не утрачивал идеала, не утрачивал до конца понимания, что он живет ради Бога. И даже в годы Великой Отечественной войны, перед которой коммунистической партией, казалось бы, все было сделано для того, чтобы русские забыли свои идеалы, забыли своего Бога, проявилась эта непостижимая для гитлеровцев внутренняя свобода русского Ивана. Здесь можно привести в качестве примера гениальный рассказ Шолохова “Судьба человека”. Там есть два потрясающих момента. Один, когда пленных, раненых, измученных русских солдат фашисты загнали в православный храм и закрыли там. И вот одному русскому солдату-верующему стало плохо и ему потребовалось выйти на ули-

цу. Немцы не выпускали его. Он не захотел осквернить храм Божий, стал изо всей силы стучать в дверь, и немцы, разозлившись, расстреляли его. В не менее талантливом, чем рассказ, фильме Бондарчука “Судьба человека” показано, как серьезно и глубоко отнеслись к происшедшему с православным солдатом другие пленные, многие из которых были воспитаны в духе атеизма. Нет сомнения, что этот подвиг останется в их сердцах навсегда. И второй момент, когда рядовой Соколов, главный герой произведения, вступает в поистине эпический поединок с комендантом лагеря. В Соколове поражает сочетание удивительных качеств: мужества, силы духа и кротости. Никаких громких слов, никаких поз, ничего специфически героического, все скромно, даже обыденно. На предложение выпить за победу фашистской Германии, Соколов отвечает тем, что без слов ставит предложенный ему комендантом полный стакан на стол. Тогда фашист предлагает выпить ему за свою гибель. На что Соколов отвечает, что за свою гибель, избавление от мук он выпьет с радостью. Все это он, измученный русский солдат, произносит тихо, без ненависти, но в этом и заключается тайна его непобедимости. А дальше происходит невиданный, небывалый поединок двух типов, культур, личностей, представляющих с одной стороны романо-германский мир, а с другой — славянский.

Здесь сошлись в очном поединке два архетипа. С одной стороны гордыня, презрение к людям второго сорта, а с другой — смирение, тихость и негибкая воля. В этой связи вспоминается еще лермонтовское “Бородино”, где “тих был наш бивак открытый” и “слышно было до рассвета, как ликовал француз”. Но как говорит Писание: “Придет гордость, придет и посрамление”. Интересно отметить, что ни история Великой Отечественной войны, ни история “доблестных” люфтваффе, гордости фюрера, не знают ни одного случая, чтобы немецкий асс пошел на таран. Так же ни один представитель высшей расы не бросался под танки, обвязанный гранатами, или на амбразуру пулемета. Наши русофобы пытались объяснить героизм Талалихина или Матросова чем угодно, только не глубинными действиями тех духовно-нравственных начал, которые через столетия пронес православный русский народ. Объясняли эти подвиги идеологическим оболваниванием коммунистов. Но тогда возникает вопрос: почему гитлеровцы, которых не меньше подвергали геббельсовской обработке, внушали, что нет ничего выше, чем отдать жизнь за фюрера, не шли на ночной таран или не взрывали себя в подводной лодке, не желая сдаваться врагу.

Откуда же бралась такая сила духа у русских людей в критические моменты их истории: ответ один — от православного понимания свободы как свободы ради Бога и Родины. В этой связи следует сказать, что православному русскому

человеку по его природе чужда оторванность от рода. Родовое начало, чувство сопричастности к роду никогда полностью не угасало в русском человеке, хотя для этого было сделано все возможное. Это чувство присуще вообще всем восточным славянам. Поистине великое значение в деле православного воспитания имеет постижение смысла связи индивидуума с родом.

Замечательные слова об этом находим у Великого князя Симеона Гордого: “Я пишу вам се слово... чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла”.

На протяжении столетий наши внешние и внутренние враги не раз пытались погасить эту свечу, но каждый раз в самые критические моменты истории, она вдруг неожиданно вновь вспыхивала и на удивление всему миру рассеивала липкий бесовской туман, окутывавший Родину и Церковь. Так было в период католической экспансии, когда святой благоверный князь Александр Невский круто изменил политическую ситуацию и создал предпосылки для образования Московской Руси. Так было, когда преп. Сергий благословил русское воинство на решающую битву с грозным восточным недругом. Так было, когда св. Геннадий Новгородский и преп. Иосиф Волоцкий взяли на себя тяжелейший крест борьбы со страшным внутренним врагом. Так было, когда умирающий священномученик патр. Гермоген благословил русский народ на борьбу с польскими захватчиками. Этот перечень можно продолжать очень долго.

В этой связи необходимо особо сказать о роли исторического предания в деле воспитания подрастающего поколения. Обратимся к В.О.Ключевскому, который немало внимания уделял педагогике: “Без общих понятий и целей, без разделяемых всеми или большинством чувств, интересов и стремлений люди не могут составить прочного общества; чем больше возникает таких связей и чем больше получают они власти над волей соединяемых ими людей, тем общество становится прочнее. Устаиваясь и твердея от времени, эти связи превращаются в нравы и обычаи. В силу тех же условий общение возможно не только между отдельными лицами, но и между цельными чередующимися поколениями: это и есть историческое преемство. Оно состоит в том, что достояние одного поколения, материальное и духовное, передается другому. Средствами передачи служат наследование и воспитание. Время закрепляет усвояемое наследие новой нравственной связью, историческим преданием, которое, действуя из поколения в поколение, претворяет наследуемые от отцов заветы и блага в наследственные свойства и склонности потомков”.

В.Ключевский дает как бы сверхсжатую программу для православного педагога. Из нее вытекает, что одной из ключевых задач в деле православного вос-

питания является кропотливая и сложнейшая работа по восстановлению почти разрушенного исторического предания. Эта работа осложняется еще и тем, что ее приходится выполнять в борьбе с сознательно действующим и хорошо организованным противником, для которого это восстановление означает гибель.

Бывший госсекретарь США Генри Киссинджер, один из крупнейших специалистов по России, прямо заявил, что его беспокоит не возможность восстановления СССР сталинского типа, т.е. коммунистической державы (к этому, считает он, нет возврата), но реальная возможность восстановления на основе православия образа той страны, которая было до 1917 года. Поэтому здесь идет борьба не на жизнь, а на смерть.

Говоря об одной из важнейших задач православной педагогики — восстановлении исторического предания, восстановлении духовно-нравственной преемственности поколений, нельзя не обратить особое внимание на язык, с помощью которого православный педагог будет решать воспитательные задачи. Проблема языка — одна из важнейших проблем православной педагогики. Н.В.Гоголь писал: “Обращаться со словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку”.

Нравственное здоровье народа, как и самое его существование, в конечном счете во многом зависит от языковой среды, в которой этот народ пребывает. К.Д.Ушинский считал, что не нужно обладать какими-то специальными филологическими познаниями, “чтобы убедиться, что язык народа есть цельное органическое его сознание, вырастающее в своих народных особенностях из какого-нибудь одного, таинственного где-то в глубине “народного духа запрятого зерна”. По его мысли, язык народа несет на себе отпечаток всей его истории, народ “в сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости. Когда исчезает народный язык, — народа нет более”. Через слово входит в нашу душу любовь к Богу, ближнему, Отечеству.

Сегодня православный учитель сталкивается с большим препятствием в воспитании детей — страшным искажением языка, с так называемым “новоязом”, когда люди говорят вроде бы на русском языке, но совершенно не по-русски. Как часто сегодня приходится встречать молодых людей, которые весьма сносно изъясняются на иностранных языках, но когда начинают говорить по-русски, то в пору затыкать уши. Беда еще и в том, что мы сами в той или иной степени заражены “новоязом” и, следовательно, православный учитель должен внимательно следить за своим языком.

В заключение хотелось бы привести строки из стихотворения К.Р. (Великого князя Константина Константиновича Романова), которые он назвал “Завещанием сыну”. Его можно адресовать нашим современникам — как педагогам, так и ученикам:

Будь же ты верен преданьям
Нашей простой старины,
Будь же всегда упованьем
Нашей родной стороны.
С верою твердой слепую
Честно живи ты свой век.
Сердцем, умом и душою
Русский ты будь человек.
Пусть тебе в годы сомненья,
В пору тревог и невзгод
Будет примером терпенья
Наш православный народ.
“Десятина”, №15-16 (26-27)

4. Предмет, цели и задачи Православной педагогики. **Актуальные вопросы православной педагогики. Содержание и особенности православной педагогики и отличие ее от других педагогических систем.**

Предмет православной педагогики. - Воспитание синонимично воцерковлению. - Раскрытие образа Божия в человеке - задача образования. - Обучение как акт покаяния.

Реальное обращение человека к духовной жизни есть творчество и непрерывный процесс, в котором изначально согласованы бытие человеческое и бытие Божественное, две воли - человеческая и Божественная. Этот процесс преобразования жизни человека начинается с внутреннего нравственного самоопределения, с момента осознания своего подлинного положения в мире, с сыновнего отношения к Богу, с желания следовать воле Божией, выполнять Его заповеди. Нравственное самоопределение человека порождает в нем стремление к духовной жизни, к духовному рождению. Душа, открывшаяся для вечной жизни, преображается Божественной Благодатью, духовно совершенствуется. Степень преображенности и уровень духовного совершенства зависят от совершаемого человеком аскетического подвига, без которого нет постоянного духовного развития как условия спасения и вечной жизни.

Рассматривая процесс становления человеческой личности как этапы, проходящие от нравственного самоопределения к духовному рождению и духовному совершенствованию, требующему аскетического подвига, православная педагогика опирается на православное нравственное богословие, на учение Православной Церкви о зарождении и развитии духовной жизни человека. **Процесс обретения личностью спасительного, нравственно востребованного духовного опыта и является предметом православной педагогики.**

Можно сформулировать первостепенные **цели православной педагогики:**

1. Преодоление язычества в многочисленных видах.
2. Открытие интереса к духовной жизни человека.
3. Снятие стереотипов и психологической косности.
4. Развитие желания и способности к самостоятельному свободному мышлению.
5. Созидание динамичного, живого сознания в отношении основных понятий веры, церкви, таинств.

Определяющее значение для духовного становления человека имеют Церковь, семья и школа. Эти сферы бытия взаимосвязаны. Дух Церкви пронизы-

вадет семейную жизнь православного человека и способствует его духовному становлению и нравственному самоопределению. Школа, влияя на мировоззрение человека, может способствовать духовному совершенствованию личности, если содержание образования направлено на вхождение ученика в мир культуры, если дух школы есть дух истины и правды. Школа может быть источником конфликтов как внутренних, так и внешних, если пытается неквалифицированно вторгаться в области духовного бытия, область личную, а в детском возрасте - и семейную. Это часто происходит из желания школы, кроме знаний и социально-культурного опыта, дать учащимся и опыт духовный, опыт религиозной жизни. Школа, возлагая на себя обязанность религиозного просвещения, что является одним из основных условий освоения культурного наследия предыдущих поколений, не должна возлагать на себя задачи религиозного воспитания. Если семья делегирует часть своих полномочий в этой сфере школе, то существующее законодательство позволяет организовать на базе учебного заведения религиозное образование.

Православная педагогика как часть христианского богословия есть только средство, только некая совокупность знаний, долженствующая служить, по мысли В.Н.Лосского, той цели, что превосходит всякое знание. Эта конечная цель есть соединение с Богом, или обожение. Путь православной педагогики - это путь от мышления к созерцанию, от познания к опыту.

Светская педагогика понимает жизнь человека как временный период, ограниченный рамками земной жизни, законченный и самоценный. Православная педагогика рассматривает бытие человека в категориях «вечности» и «бессмертия» и направляет воспитание на конкретную личность, которая связана ответственностью перед Богом не только за свою жизнь, но и за сохранение и развитие исторических и культурных традиций народа, частью которого она является, и судьба которой уходит в эсхатологическую перспективу, к которой мы все приобщаемся через смерть.

Декларируя духовную жизнь, секуляризованная педагогика имеет в виду лишь ее психологическое проявление, подменяет духовное душевным, старается избегать признания реальности духовного мира. Эта тенденция проявилась не только в педагогике и психологии, но и в сфере культурно-исторической.

Православная педагогика признает реальность духовной основы человека и реальность духовного мира как мира духов, в том числе и духов демонических. Опыт православного воспитания показывает, что нельзя «организовать» духовную жизнь в человеке через развитие его психофизических функций. Нельзя

прийти к духовному росту через развитие интеллекта, воли или чувств, хотя духовная жизнь и опосредуется этим развитием душевной периферии.

Понятия добра и зла в светской педагогике носят относительный характер. В православной педагогике они абсолютны: зло нельзя оправдать и нельзя его эстетизировать.

Специфика православной педагогике

Слово “педагогика” происходит от греческих слов *país* (род. падеж - *paídos*) - дитя и *agwgh* - ведение, руководство; *agwgikh* - руководящая. В дословном переводе “педагогика”, таким образом, значит: руководство детьми, детоводительство. Педагогом в Древней Греции называли раба, отводившего детей своего господина в школу. Постепенно слово «педагогика» стало употребляться в более общем смысле для обозначения искусства «вести ребенка по жизни», то есть воспитывать и обучать его, направлять духовное и телесное развитие. Со временем накопление знаний привело к возникновению педагогике как особой науки о воспитании и обучении детей.

Что же такое педагогика по определению педагогической науки?

“Педагогика - наука о воспитании и обучении”, - читаем в словаре русского языка С.И. Ожегова. В курсе педагогике П.П.Блонского педагогика определяется как “преднамеренно организованное длительное воздействие на развитие человека со стороны окружающих его людей”. Л.Н.Модзалевский (конец XIX в.) определяет ее как систему “тех научных понятий и технических правил, без знания и применения которых невозможно правильно вести воспитательное дело”.

“Век живи, век учись”, - говорит народная поговорка. Вся наша жизнь есть учебно-воспитательный процесс, ибо все ее содержание воспитательно-поучительно, исполнено примеров добрых и злых, спасительных и пагубных.

Любое педагогическое действие обращено к живой и уникальной человеческой душе, стремится породить в ней определенный отзвук. Поэтому педагогика является искусством воспитания, и не просто искусством, но, по словам выдающегося педагога XIX века К.Д.Ушинского, “первым и высшим из искусств”, ибо “она стремится к выражению совершенства не на полотне, не в мраморе, а в самой природе человека”.

Термин «христианская педагогика» имеет историческое звучание и означает своеобразную педагогическую систему, сложившуюся внутри христианской культурной традиции. Он может употребляться при сравнении христианской педагогике с дохристианскими и внехристианскими системами воспитания.

Однако воспитательные системы разных христианских конфессий не тождественны, т.к. существуют конфессиональные различия вероучений, которые налагают свою печать на жизнь и педагогическую практику.

Для педагогики значимы следующие межконфессиональные различия:

- * понимание целого ряда веро- и нравоучительных истин об искуплении и спасении;
- * учение об образе Божиим в человеке и первородном грехе;
- * понимание цели и смысла жизни и сопряженных с ними педагогических задач;
- * понимание места и роли Церкви, таинств и пастырства в педагогическом деле.

Различны также педагогическое наследие, педагогическая среда, средства и методы воспитания, а также мера и степень допустимого и недопустимого во взглядах и педагогической практике.

Вышеназванные конфессиональные отличия показывают, что в сфере “христианской педагогики” должны существовать термины: “католическая педагогика”, “протестантская педагогика”, “православная педагогика”, определяющие педагогические системы разных конфессий. Так, термином “православная педагогика” можно пользоваться как для определения своеобразия педагогической системы Православной Церкви среди христианской педагогики иных конфессий, так и для подчеркивания особенностей православных оснований нашей педагогики по сравнению с современными системами, основанными на безрелигиозном подходе к миру и человеку.

Под православной педагогией мы будем понимать науку и искусство воспитания целостной личности на пути ко спасению во Христе через Церковь.

В чем же заключается специфика православной педагогики?

Во-первых - в основании и цели. Общая, светская педагогика, не имеющая твердого основания, несомненного авторитета и вечной, непреходящей цели, подобна дому на песке. Православная же педагогика сильна именно тем, что имеет простирающуюся в вечность цель - спасение; строит свое здание на незыблемом основании - “Камне-Христе”, в Лице Которого имеет непреложный духовно-нравственный идеал и несомненную истину, ориентируется на неизменный авторитет Священного Писания и учения Церкви. Все Божественное Откровение несет в себе конкретные педагогические принципы, вооружает православного учителя благодатными советами, методами и средствами воспитания. Все это обязывает православного педагога не только овладевать духов-

ными сокровищами Православия, но прежде всего воспитывать самого себя в истине и добродетели, ибо можно дать лишь то, что имеешь.

Во-вторых, специфика православной педагогики состоит в понимании детства как особого этапа духовного становления человека. «Таковых есть Царство Небесное», - сказал Господь о детях (Мф. 19, 14). Для любого учителя очевидно, что столь высокая оценка детей не связана с их моральным совершенством. Особая благодатность детства заключается в реальности веры детей, их чистоте, простоте, искренности, незлобии и смирении. В то же время Православие не идеализирует ребенка, не считает, что от рождения человек всецело устремлен к добру и лишь обстоятельства жизни портят его. Оно знает, что природа любого человека повреждена первородным грехом, а потому состояние детской души нуждается в исцелении, в восстановлении его в прежнем достоинстве, в раскрытии богодарованных талантов и совершенствовании личности.

Ребенок призван утвердиться в добре. На этом пути он нуждается в помощи взрослого. Смысл воспитания заключается в том, чтобы развить и укрепить находящиеся в детской душе силы; оградить ребенка от духовных опасностей; помочь ребенку в борьбе со страстями и раскрытии образа Божия в нем, - и тем самым подготовить его к восприятию опыта духовной жизни. То есть воспитание готовит к самовоспитанию; а то и другое направлено к высшей цели жизни - спасению.

Третья особенность православной педагогики заключается в понимании того, что чрезвычайно трудные задачи воспитания не достижимы одними человеческими силами. «Бог Помощник наш, - писал св. прав. Иоанн Кронштадтский. - Наше дело усердно напаять: возвращать будет Бог (1 Кор. 3, 6), Споспешник и Возрастителъ всего доброго». Православная педагогика понимает, что истинным Педагогом является Бог Отец, через Сына и Мать-Церковь в Духе Святом воспитывающий человечество в целом и каждого человека в отдельности. Православный педагог может и должен молитвенно обращаться к Нему за помощью в своем многотрудном деле.

Православная педагогика учитывает сильное влияние духовного мира на человека. С одной стороны, это - помощь Бога, Ангелов и святых; с другой губительное влияние падших духов. Руководствуясь голосом совести, Божиим словом, наставлениями родителей, пастырей и педагогов, юный человек учится выбирать добро и попирает зло.

Особенность православной педагогики состоит еще и в том, что она носит глубоко личностный характер и обращена к свободе воспитанника. И здесь православному педагогу необходимо понимание своего места и роли в процессе

воспитания - как смиренного соратника Божия и слуги маленького человека, тянущегося к Богу и Церкви. Православный педагог призван помочь ребенку войти в жизнь Церкви так, чтобы эта жизнь стала его жизнью; помочь духовному росту детской души на пути, свойственном именно ей, по предвечному замыслу о ней Творца. Воспитание есть начальный этап на пути достижения цели жизни - спасения, посредством богоуподобления вплоть до святости. Путь к богоуподоблению лежит через исполнение христианских заповедей, жизнь по которым обеспечивает воспитание необходимых добродетелей и уничтожение греховных склонностей и пороков. Поэтому православная педагогика стремится воспитать в человеке те необходимые добродетели, которые сделают его гражданином Царствия Небесного.

Общая педагогика признает большую роль семьи в деле воспитания. Специфика православной педагогики состоит в том, что одной из основ ее является семья как домашняя церковь, устроенная по образцу святой Церкви Христовой, стремящаяся во взаимоотношениях уподобиться Пресвятой Троице, основанная на любви, ибо Бог есть Любовь. Здесь в ребенке уважаются его человеческие права, в нем видят, хранят и раскрывают образ Божий. Единение членов семьи в духе, слове, деле, молитве является благотворным для воспитания детей: они, достигнув совершеннолетия, становятся живыми и плодотворными членами Матери-Церкви. Школа призвана продолжать и дополнять дело семьи и, уподобляясь семье, становиться теплой школьной семьей. К сожалению, современная семья часто не справляется со своей обязанностью - воспитывать детей в духе христианского благочестия, во славу Божию и детоводительствовать их ко спасению. Поэтому православный педагог призван быть верным помощником православной семьи в воспитании. Конечно, отдельным педагогам не по силам решение вопроса воцерковления подрастающего поколения. Это - общее дело всей Церкви.

Православный педагог призван вести детей к истинно-духовной жизни, которая есть жизнь с Богом, в Боге и для Бога, и достижима лишь в лоне Матери-Церкви. Церковная жизнь ставится во главу угла всего дела православной педагогики: главная задача педагогической деятельности есть воцерковление, и осуществляется она через личное участие ребенка и его семьи в жизни конкретной церковной общины.

Сохранение исторической самоотверженности Церкви, передача новым поколениям православного мировоззрения и мироощущения не может быть достигнуто без общих воспитательных усилий священников, катехизаторов, учителей и родителей. Поэтому учительское служение священника является не менее

важным, чем литургическое. И педагогическое дело, т.е. духовно-просветительская работа с детьми, подростками и юношеством, занимает в нем свое немалое место. Учительское служение Церкви – один из самых древних и основных видов её харизматического служения. Православная Церковь всегда придавала ему важное значение. Сначала это были проповедники, учителя веры, потом- преподаватели огласительных училищ, наконец, специальные монахи-учителя. Сегодня в этом плане перед Церковью встаёт задача: оградить по возможности молодое поколение от потоков лжи, рассеять предубеждения, и, что самое главное, раскрыть богатейшую сокровищницу церковной жизни перед сердцем и умственным взором молодых во всей безграничной полноте и красоте. Такая задача сближает духовенство и мирян.

Усилия пастырей должны быть направлены к одной цели – помочь детям в деле спасения, в благодатном Богопознании.

Наше приобщение к благодатной божественной жизни происходит только в Теле Христовом, в Церкви и через Церковь, в Ее спасительных Таинствах, в ее соборном опыте и руководстве. Поэтому основная задача православной педагогики решается на путях «воцерковления» как любовного вrastания каждого из наших детей в соборную жизнь Церкви, в полноту её таинственной жизни, соборного сознания, имеющих конкретное выявление в полноценной приходской жизни и свободно на себя взятом церковном служении.

Касаясь проблемы «воцерковления», мы неизбежно сталкиваемся со всегда таинственной, не поддающейся рассудочному анализу стороной этого процесса – глубоко личностным отношением к Богу верующей души. Рождается эта «нить вечности» в момент обращения, встречи человеческого сердца с Богом. Центральной задачей нашей педагогики является не передача форм и навыков благочестия (хотя и это нужно), ни тем более знаний о Боге и Церкви. Если стержнем духовной жизни и её целью является любовь к Богу и вдохновляемая ею любовь к ближним, то помощь нашим детям в их собственном стяжании такой любви к Богу, с благоговением перед Ним и желанием жить по Его святой воле, и является основной задачей христианской педагогики.

Мастерство христианского наставника состоит в умении явить перед взором ребёнка соборный опыт Церкви таким образом, чтобы он смог воспринять его как относящийся к его собственной детской жизни и сам потянулся к нему, увидел бы в нём перспективу личного участия, обогащающего душу.

Церковная жизнь ставится во главу угла всего дела христианской педагогики: и сама цель воспитательной работы есть воцерковление, и осуществляется она через личное участие ребенка и его семьи в жизни конкретной церковной об-

щины. Для того чтобы происходило такое вхождение ребенка в церковный организм, работа Церкви в области религиозного воспитания должна иметь четыре измерения:

- 1) созидание полноценной литургической жизни в богослужбном годовом круге;
- 2) тесное общение пастыря и преподавателей с детьми и их семьями;
- 3) собственно религиозное обучение детей;
- 4) полнокровная и деятельная жизнь в церковно-приходской общине.

Священники как руководители всей приходской жизни и ведущаяся на её базе религиозно-воспитательной работы самим родом своего служения призваны соединять все эти составляющие. Важно отметить, что помимо добросовестного выполнения своих священнических обязанностей, помимо доброго расположения к детям, современный пастырь должен обладать и специальными педагогическими знаниями и навыками.

3. Отличие христианской педагогики от любой другой педагогической системы заключается в том, что она готовит человека не только для полноценного земного существования, но, прежде всего - для жизни будущего века. С христианством началась новая, третья онтологическая эпоха: 1 - хаос, 2 - космос, 3 - Церковь. Христианство не просто комплекс неких идей, овладевших умами, а новая жизнь, новый человек, свидетельствующий о своих новых ощущениях, чувствах и мыслях.

Церковь - это именно собрание новых людей, делящихся друг с другом своим духовным опытом. Митрополит Антоний (Храповицкий) называет Церковь «собранием человеческих совестей». Новые люди обрели и новое призвание: по словам апостола Павла, все мы призваны к святости. В христианстве жизнь, человека обретает особый смысл и значение.

Отсюда и христианская педагогика опирается не на какую бы то ни было философскую идею, а на само бытие Церкви как нового богоданного союза человека и Бога. Основанием ее стало, с одной стороны, христианское учение, а с другой - духовный опыт Церкви, то есть многообразные человеческие пути к святости. Из всего этого и вытекает, что:

- Содержание христианской педагогики - это прежде всего введение детей в жизнь Церкви, приобретение навыков общественной и личной духовной жизни. Кроме того, это воспитание христианского мировоззрения, осмысление мира, жизни, человека и его деятельности в свете Божественного Откровения. И, наконец, это подготовка детей к общественному христианскому служению, развитие их дарований, воспитание христианских чувств и воли.

Таким образом, христианская школа отличается от других прежде всего тем, что не может не ставить задачу организации христианской жизни детей, в которой они приобретают новый опыт общения, общения в любви. Этот фактор является, пожалуй, самым значительным и вместе с тем не поддается никакому рациональному регулированию. На первом месте стоит в христианской педагогике воспитание. Но и воспитание здесь не есть выработка определенных норм поведения и стереотипов отношения, а живая духовная реакция на происходящее. В христианской педагогике мы не имеем жесткого свода нормативов и примеров, под которые нужно подогнать ребенка, жизнь каждого ценна именно своим личным путем и личным трудом, на это педагог и должен ориентироваться.

Святой Древней Церкви Климент Александрийский (II век), один из первых руководителей древнехристианской школы в Александрии, в своей книге «Педагог» говорит о трех этапах христианского образования: увещании, воспитании и научении. Они осуществляются не одновременно, а строго последовательно: сначала призывание к вере, указание на то, что уже в нашей жизни человек может обрести мир, свидетельствующий о Царствии Небесном. Затем период воспитания, когда идет реальное приучение себя к жизни по заповедям, тренировка воли и облагораживание чувств. И только после того следует научение высоким истинам Откровения, которые содержатся в Священном Писании.

На протяжении всех трех этапов истинным Педагогом, считает Климент Александрийский, является Господь Иисус Христос, Спаситель. О любом человеке именно Он совершает личное попечение, лично ведет его к спасению. Такая точка зрения не единична в Древней Церкви, скорее наоборот: вся история Церкви свидетельствует о Промысле Божиим, который реализуется в личных судьбах людей. Если мы примем эту общецерковную точку зрения, нам станет понятной и роль христианского педагога в деле воспитания личности. Мы - не самостоятельные возделыватели детских душ, а соратники Бога, ассистенты, помощники Первого Педагога, слова которого мы должны улавливать, и незримые действия которого расшифровывать. И основу христианской педагогики тогда можно представить как тончайшее вслушивание в Промысл Божий, в слова Божественной педагогики.

Но само вслушивание и созерцание - это большой труд. Можно сказать, что христианская педагогика - это не система тех или иных правил, а, прежде всего, вопрошающий христианский педагог. Педагог, который стоит рядом с ребенком и помогает ему среди общего шума жизни различать слова Божии.

Христианский педагог всегда находится на пере-крестке трех тайн:

- личностные особенности развития ребенка, его психологическая индивидуальность;
- промысл Божий о ребенке, о его духовном пути;
- чувство времени, как разворачивающееся в чело-веческой истории Божественное Домостроительство.

Наше христианское время принципиально отлича-ется от ветхозаветного. Если в книге «Второзаконие» содержится очень подробный перечень законов, ко-торые надо выполнять, и разъяснений к ним, то в христианстве мы, прежде всего, сталкиваемся с законом любви. Высшими заповедями становятся, по словам Спасителя, заповеди: «Любите Бога и любите ближ-него», «Душу свою за други своя», «Возлюби ближне-го своего, как самого себя». Как это можно вопло-тить в жизнь и как этому научить?! - может вырвать-ся вопрос. Тем не менее, именно эти, заповеди являют нам конечную цель и задачу христианского воспитания. Правда, задача эта осуществляется не только шко-лой, но школой совместно с Церковью. По сути, хри-стианская педагогика - это введение в Церковь, она готовит ребенка к духовной жизни, но сама не долж-на претендо-вать на духовное руководство.

Соработничество имеет две болезни: пассивность и своеволие. Досадно мно-го в Церкви пассивных пе-дагогов. Они оправдываются обычно словами: «Что я могу своими малыми силами?! Господь Сам все как надо устроит, не надо ни-чего делать, давайте подожд-ем, жили же наши предки с Богом без всякой пе-да-гогики и т.д.» Такие спекулятивные рассуждения обычно опираются на лож-ное смирение, которое на самом деле хуже гордыни. Они свидетельствуют не о вслушивании в слово Божие и не о любви к ребенку, а о душевной холодности, которая предвещена в конце времен, как великое оскудение благодати.

Да, соработник - это не законодатель и не начальник. «Я хочу быть каранда-шиком в Божиих руках», - сказала однажды всемирно известная христианская подвижница мать Тереза, всю свою жизнь посвятившая делам милосердия и со-страдания. Быть прозрачным, чтобы не заслонять Бога, не становиться про-поведником самого себя, и вместе с тем быть дей-ственным, чтобы суметь выполнять волю Божию, - вот к чему должен стремиться христианский педагог. Боязнь же принять решение и возложить на свои плечи груз ответственности часто оборачивается простым дезертирством и предательством ребенка.

С другой стороны, не менее страшно и своеволие педагога, тем более, если это своеволие распространяется не только на руководство внешним поведением ребенка, но претендует вторгнуться в его святая святых - в душу. Христианская

педагогика именно потому, что она в союзе с Церковью, должна четко знать свое место, то есть круг своих полномочий. Школьные занятия нельзя наделять никакой мистикой, никаким ритуализмом. Любая школа, прежде всего, должна быть подчинена законам детства, духовный опыт педагога не должен довлеть над детьми.

Уместно здесь привести концепцию христианской педагогики профессора Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке Констанции Тарасар, четко сформулированную в докладе на Рождественских чтениях 1998 г. Она рассматривает христианскую педагогику в трех формах ее бытия: школа, богослужение и дом. На это практически и сориентированы догматика, литургия и нравственное богословие. Но в ее системе они рассматриваются не как школьные предметы, а как три различные области христианской жизни, в которых нужно научиться жить ребенку. В каждой из них - свои педагогические методы. И христианская педагогика должна охватывать все эти области, только тогда она выполнит свою задачу, то есть даст ребенку точные знания (школа), научит его со всей полнотой души молиться (участие в богослужении) и сохранять христианские идеалы в жизни, в реальном общении людей (нравственность). Эта позиция на сегодняшний день кажется наиболее целостной и соответствующей христианским идеалам.

На что же опирается христианская педагогика, как на свою незыблемую идейную основу? На то, что составляет основу и Православного богословия, и богослужебной практики Церкви, и домашнего благочестия:

- на Священное Писание,
- на жизненную силу Таинств Церкви,
- на Священное Предание.

Но педагогу нужно всегда помнить, что кроме Священного Предания Церкви есть предания исторические, «предания старины глубокой». В жизни они тесно переплетены, и педагогу нужно научиться их различать, чтобы не впасть в догматизацию исторических, этнических или культурных особенностей бытия Церкви.

Например, установление о храме. Моисею было дано точное указание, каким должно быть место, где Бог будет говорить с человеком. Первым походным, переносным храмом стала скиния собрания. Через три века в Палестине воздвигается Иерусалимский храм - он был единственным. А в наше время в России великое множество храмов. Они сильно отличаются друг от друга по архитек-

турным особенностям, по убранству интерьера. Но во всех храмах есть и неизменные части: крест над маковкой, алтарь, престол, богослужебные книги и священные сосуды. Можно ли говорить о едином образе православного храма? По-видимому, нет, во всяком случае, внешний образ - разный, внутреннее же содержание и назначение - едины. Православный педагог должен всегда стремиться обнаружить этот незыблемый центр в Предании Церкви, священное содержание любого образа. Формы же бытия этого священного содержания будут различны.

И потому учить детей нужно, прежде всего, содержанию, а не форме. Это применимо ко всем областям знаний и человеческого опыта, но особенное значение это имеет для правильного развития и становления духовной жизни ребенка: научение внешним формам благочестия никогда не приводит к правдивости и духовной глубине. Формальные знания опасны тем, что при определенном количестве они начинают восприниматься как сущностные. Пожалуй, это главная опасность православной педагогики, постоянное ее искушение.

Нужно различать священное и историческое, священное и талантливое, священное и то, что нам нравится. Нельзя не вспомнить здесь слова отца Георгия Флоровского: «Два соблазна зачаровывают русскую душу. Соблазн священного быта, это соблазн Древней Руси, соблазн старообрядчества... И соблазн психического утешения, очарование душевного уюта»¹¹. В полной мере эти соблазны искушают православную школу: стремление воспитать у детей чистую правильную веру часто оборачивается воспитанием обрядоверия.

Ведь что такое обрядоверие? Это пристрастие к той или иной форме обряда. Оно плохо, прежде всего, тем, что это пристрастие, что человек перестает чувствовать центр Священного, а большее внимание обращает на форму.

Есть и духовный корень в обрядоверии: человек боится остаться в поиске, в неведении, ему легче иметь пример для подражания и алгоритм действия, это дает определенную опору, ему начинает казаться, что он знает, как жить и что делать.

Но христианство нам никаких внешних образов для подражания и алгоритмов поведения дать не может. Утренние и вечерние молитвы - это молитвенные вопрошания, стояние в трепете и ожидании от Бога живых словес, просвещающих и указующих нам каждодневный путь нашей жизни: «Да будет воля Твоя»!

Чем больше мы углубляемся в живой опыт Церкви, тем яснее становится, что содержанием христианской педагогики являются не столько знания и мировоззренческие установки, сколько сам метод преподавания, метод уже вводящий, приучающий детей к вопрошанию как форме бытия. Православный педагог

должен понимать, что христианин - крепость, в которой правит Христос, а не он сам. Мы не властители самих себя, а потому и дети, ученики - не наши подчиненные.

Сопоставим две вещи: педагогику и проповедь. Проповедь - это, прежде всего, слово веры, которое может стать началом движения человека к истинной жизни. Педагогика - это само движение, совместное движение учителя и ученика в пространстве диалога: слово веры должно непременно соединиться здесь с делом веры. Даже проповедь апостола Павла в ареопаге - необыкновенный образец ораторского искусства - была услышана только несколькими людьми, а после его слов о воскресении мертвых часть людей вообще перестала слушать, и только некоторые подошли к нему.

Для педагогики более подходит неразделенный образ Марфы и Марии - деятельного и созерцательного христианства: внимаем слову и... действуем по слову. Это первая заповедь христианского педагога, этому же учим и детей. Если мы педагогику сведем к проповеди, что часто и происходит в наших школах, то мы оставим ребенка в одиночестве.

В большую жизнь, которая детей ожидает, входит не только жизнь Церкви, но и жизнь общества, которое их окружает дома, в школе, на улице. Христианский педагог не может учить жить детей отдельно от жизни мира. Мы не знаем промысла Божия, и нужно ориентировать ребенка на жизнь глубоко самостоятельную и полную. Кто-то выберет монашеский путь, кто-то будет в миру врачом, строителем, художником, кто-то придет на клирос петь. Педагоги не должны воспитывать только клирошан, они должны, прежде всего, воспитывать христиан, которые будут трудиться на ниве Божией.

Отсюда и проблема развития ребенка решается в христианской педагогике так же, как и в школах с другим мировоззрением: таланты надо развивать, это дары, которые Господь послал людям. Но само развитие должно быть целомудренным, не развращающим, а, наоборот, собирающим воедино все силы души человека. Такое развитие личности по-настоящему и возможно только, когда мы осознаем себя образом и подобием Божиим. Только тогда человек получает как бы истинную систему координат и может ориентироваться в жизни. Мир начинает восприниматься им не как общественно-бытовое поприще приложения своих сил и талантов, а как школа Вечной жизни, как начало пути к себе, к своему истинному «Я». Знания о Церкви ребенку дать не трудно, важно начать вместе с ним его духовный путь, то есть труды строительства себя по образу и подобию Божию.

Теперь нам может быть понятен кризис схоластической системы христианской педагогики, которая стремилась прежде всего наполнить ребенка христианскими знаниями. Знания не определяют жизнь ребенка. По сути, кризис схоластики - это кризис обучения, не связанного с воспитанием. Как видим, в христианской педагогике этот вопрос стоит острее, чем в других школах.

- Духовное знание, не подкрепленное личным опытом, не проведенное в жизнь - способно больше соблазнить, чем развить.

Живые формы педагогики рождались в самой Церкви на протяжении многих веков, но всегда они встречались с почти демоническим противостоянием схоластики, которая является соблазном для каждого нового поколения учителей.

Хорошую профилактическую помощь может оказать нам сама история христианской педагогики. Даже при беглом взгляде видна борьба косного, но комфортного для учителя способа обучения как вещания, как декларирования прописных истин и педагогических поисков новых форм организации педагогического процесса.

Замечателен вклад в христианскую педагогику Николая Дмитриевича Ушинского. Его «Педагогическая антропология», в которой разбираются глубочайшие проблемы формирования личности ребенка, поистине должна стать настольной книгой православного учителя. Важны также работы Н.И.Пирогова, горячо радеющего о целостном воспитании. Ни с чем не сравним необыкновенный опыт *Сачинского*, который создал свою сельскую школу-общину.

Но, к сожалению, таких примеров мало. А ведь преподавание Закона Божиего в гимназиях, реальных училищах и школах было обязательным - стало быть, педагогов Закона Божиего было очень много. Почему же история страны и история литературы сохранили так много отрицательных примеров? Можно ли посчитать это тенденциозной ошибкой? Вряд ли. Повсеместное господство схоластики в духовной школе не давало возможности родиться православной педагогике как живой системе духовного воспитания детей. Педагогический опыт святого Иоанна Кронштадтского с его пылким стремлением пробудить в ребенке любовь к Богу для конца XIX - начала XX века был, скорее, исключением, чем правилом. Кроме того, он практически неповторим, так как держится на необыкновенной духовной силе личности святого.

Массовое же учительство в области Закона Божиего было ориентировано на начетничество, то есть на заучивание Священных истин вне какой бы то ни было связи с духовной жизнью самого ребенка.

Поэтому разрыв в традиции, который исторически образовался в православной педагогике России, может быть, не следует слишком драматизировать: те-

перь мы можем лучше рассмотреть, что в христианской школе дореволюционной России было вызвано требованиями времени, что - человеческими слабостями и страстями, а что поистине являло собой педагогическое открытие и честное служение христианина.

Традицию в христианской педагогике мы должны понимать не как повторение и воспроизведение старых, привычных форм учебного процесса, а как единение с истиной, как рождение новых форм и методов образования, во времени соответствующих священному содержанию жизни Церкви. Таким образом, само собой уточняется и понятие развития в христианской педагогике.

- Развитие - это поиск и обретение ребенком новых форм интеллектуального, эмоционально-го и духовного бытия в традиции и Предании Церкви.

Язык Церкви христианским педагогом должен быть правильно услышан и переведен на язык времени, надо сопрячь детскую душу, еще не знающую саму себя, с той живой жизнью, которой живет не только весь приход, но и вся Церковь. Но чтобы это стало возможным, прежде всего нужно посмотреть на детей. Каковы же сегодняшние дети и как на них отразилось время? Педагог должен быть мужественным, он должен посмотреть, кто к нему пришел, и что он может сделать для этого человека. Детоводительство, коим является педагогика, в большей мере, чем любое другое служение, зависит от того, кого мы собрались вести.

Пример. На занятия в воскресную школу пришли две девочки 13 лет. Очень скоро оказалось, что у них нет не только представления о девстве и целомудрии, но и о ценности человека, как целостного существа. Круг интересов - мальчики, деньги, интимные отношения, школа, поскольку там они встречаются с мальчиками, и... все. Мамы этих девочек родили их в одиночестве в возрасте 16-17 лет. Материнство их было чисто номинальным. Фактически эти девочки не только духовно беспризорны, они беспризорны и как дети, и как девочки. У одной была бабушка, у другой - нет. Фактически их воспитывала улица. Чудо само по себе уже то, что эти девочки пришли в храм, но они не могут и сами сказать - зачем? Они все заполнены чувственностью и ничем более, интеллект не развит, даже эмоциональная сфера подавлена грубостью физиологических инстинктов.

Что с ними сделать? Как установить контакт и на какой почве? У них свой язык и своя, уже сложившаяся система ценностей. Она так не согласуется с привычными ценностями христианства, что возникает желание отмежеваться от этих заблудших овец. Вот это-то отмежевание и является главным трудноискоренимым наследием нашего идеологического прошлого. Оно через века аука-

ется с инквизиторской схоластикой и в современной православной школе сеет семена ревностного благочестия, а не служения ближнему. Служение требует сближения. Безличная проповедь христианства невозможна, это подмена любви законом, то есть возврат к дохристианскому прошлому. Тем более невозможна безличная христианская педагогика.

Но как же быть с этими девочками? Искать в их системе координат неполноту и несоответствие с реальной жизнью и на их языке пытаться указать на эти противоречия. Возникнут вопросы. Попытаться найти новые, ранее неизвестные связи в жизни, то есть раздвинуть горизонт. Опять возникнут вопросы - и так шаг за шагом по лестнице вверх из тьмы себя к свету, к Богу. Но, правда, это возможно только в том случае, когда вы не чувствуете собственного превосходства, не совершаете «акции спасения», а просто рассказываете о своем счастье жизни в Церкви - просто делитесь радостью Благой вести.

- Учить - не уча! - вот высшая форма воспитания.

Для определенного возраста она одна-единственная.

Поэтому я хочу предложить всем учительское домашнее задание: посмотрите на сегодняшнего ребенка любого возраста, начиная с 6 лет, и запишите все, что вы увидите. Нельзя наблюдать за своим ребенком или за ребенком, с которым вы играете. Вы должны оставаться пассивным в момент наблюдения и не входить в контакт. Это неперемное условие наблюдения. Кроме того, есть несколько ограничений в этом упражнении.

1) Нельзя употреблять местоимение «я». Не нужно писать, что Вы подумали и почувствовали, нужно пытаться смотреть на ребенка, а не на себя. Но не придумывать его чувства, а записывать то, что вы точно видели.

2) Нельзя ребенка оценивать, нужно просто показать, что и как он делает.

3) Нельзя никого ни с кем сравнивать, сравнение - завуалированная форма нашей оценки. К тому же каждый человек - необыкновенная индивидуальность, сотворенная Богом, нужно стараться его видеть таким, какой он есть.

Это задание поможет нам приблизиться к ребенку, понять его жизнь и его ценности. Ведь часто нам только кажется, что мы видим детей, на самом деле мы в основном видим, слышим и чувствуем самих себя. И педагогика наша становится в таком случае служением себе, а не служением ребенку. Попробуем сместить центр нашего внимания на ребенка - это начало нашего диалога с ним.

5. Основные понятия Православной педагогики

Воспитание - это процесс ориентации детей в культурно-социальном пространстве общества, выработка у них определенных отношений к тем или иным общественным явлениям и понятиям, установление иерархической системы ценностей. Воспитание по своим методам есть глубинное проникновение в личность ребенка, формирование его миро-воззрения. Оно способно охватывать не только ум человека, но и проникать в его чувства, направлять волю. Именно на основании чувств и воли, подкрепленных ясным видением и пониманием действительности, возникает у человека возможность активно-го поведения в обществе, адекватного своему мировоззрению.

Великие педагоги считали, что процесс воспитания является базовым основанием любой педагогики.

«Несомненно, что воспитание ребенка может происходить помимо всякой преднамеренной теории и независимо от того, обращено ли на это внимание, - пишет Н. И. Пирогов в своей статье «Образование и воспитание». - Не учивши дитя, можно вырастить круглого невежду; но если его не воспитывать, то оно воспитается собственными средствами... От образования некоторого взгляда на вещи - правильного или неправильного, - от образования нравственного кодекса вы его не убережете». Таким образом, мы на педагогику «обречены», мы не можем устранимся, этим мы предали бы саму жизнь. «Человек есть существо самое кроткое и самое божественное, если он будет укрощен настоящим воспитанием, - говорит Платон в книге «О законах», - если же его не воспитывать или давать ему ложное воспитание, то он будет самым диким животным из всех, кого производит земля».

В педагогической литературе можно встретить несколько синонимов слова «воспитание». Это образование, формирование и даже просвещение. Во всех случаях речь идет об участии в духовно-нравственном становлении личности. «Образовать человека, существо самое непостоянное и самое сложное из всех, есть искусство из искусств» (Святой Григорий Назианзин).

Перейдем ко второй составляющей педагогики - к обучению. Обучение есть целенаправленный процесс передачи технологического, научного и художественного опыта подрастающему поколению. В результате обучения дети получают систему научных знаний, фактов, овладевают практическими навыками жизнедеятельности. Умение читать и считать, умение мыслить и сопоставлять, умение решать различные задачи - вот что является одним из итогов правиль-

ного обучения. Но, пожалуй, самый главный навык, который должен быть привит человеку в детстве - это умение учиться, то есть желание приобретать новые и новые полезные знания и навыки. «Правильно обучать юношество - это не значит вбивать в головы собранную из авторов смесь слов, фраз, изречений, мнений, - пишет выдающийся педагог Ян Амос Коменский в своей «Великой дидактике», - а это значит раскрывать способность понимать вещи, чтобы именно из этой способности, точно из живого источника, потекли ручейки».

Любая профессиональная деятельность опирается на реальное умение человека, на его способность к тем или иным операциям. Отсюда иногда обучению отводят первенствующую роль в педагогике. С этим трудно согласиться, так как любая деятельность включает в себя анализ и понимание проблемы, умение и возможность ее разрешить, и, может быть, самое главное - желание приложить свои усилия к ее решению. Можно научить правильно анализировать ситуацию и выработать нужные технологические навыки, но желание участвовать в деле и воля к труду могут быть развиты только в процессе длительного системного воспитания. Может быть, поэтому замечательный педагог Аделаида Семеновна Симанович писала в своей книге «Практические заметки об индивидуальном и общественном воспитании маленьких детей»: «Обучение - одно из вспомогательных средств воспитания. Посредством обучения, начиная с раннего возраста, приобретаются элементарные знания, развиваются умственные способности и нравственные силы». К этому близка была и позиция немецкого педагога Фридриха Фребеля, который первый провозгласил тезис: воспитание - в процессе обучения, связав тем самым цель и средства педагогики в одно целостное действие.

Итак, функция педагогики - воспитывать и обучать.

Но реализуется она только при одном условии - условии развития.

Развитие - общий закон жизни. Развивается все: общество, искусство, производство, развивается ребенок, его тело, его сознание, но развивается и болезнь, и преступные наклонности. Развитие - движение от зерна к растению, цветку и плоду, от замысла к воплощению. Развитие жизни остановить нельзя, так же, как нельзя остановить время. Но педагогу недостаточно эмпирически чувствовать факт развития, ему нужно осмыслить его философски, духовно. «Сущность развития - в направленном изменении систем от менее упорядоченного к более упорядоченному состоянию, в росте их организации». Так определяет развитие современная психология. Причем мы нигде не встретим в жизни автономной системы: всегда одна система будет заключена в другой, а вместе они будут живой частью третьей и так далее.

Таким образом, развитие есть само течение жизни, сам ее процесс. Оказаться вне развития значило бы оказаться вне жизни. Поэтому для педагогики развитие - это та операционная среда, которая и дает наставнику возможность действовать, то есть стихийное развитие личности делать целенаправленным. «Процессы развития делают научение возможным, но само научение не является причиной развития, - пишет замечательный английский психолог Томас Бауэр. - Способность к научению первоначально определяется врожденными механизмами, которые могут угасать, если их не упражнять». Таким образом, постепенно вырисовываются и поле деятельности, и социально-психологические функции педагогики.

- Педагогика берет на себя функцию целенаправленного развития личности.

«Со всем сложнейшим миром окружающей действительности ребенок входит в бесконечное число отношений, - пишет А.С. Макаренко в «Книге для родителей», - каждое из которых неизменно развивается, переплетается с другими отношениями, усложняется физическим и нравственным ростом самого ребенка. Весь этот «хаос» не поддается как будто никакому учету, тем не менее, он создает в каждый момент определенные изменения в личности ребенка. Направить это развитие и руководить им - вот задача воспитания».

Мы очертили круг проблем, общий для любых педагогических систем, ибо в структурном отношении они все обусловлены едиными законами. По-настоящему различным является, как мы уже пытались показать, содержание образования. Оно полностью определяется идеалами, господствующими в обществе или в определенной социальной группе. Предмет наших интересов - христианская педагогика, православное воспитание, развитие и обучение детей. Попытаемся осмыслить эти понятия, согласуя достижения современной психологии и педагогики с учением и жизнью Православной Церкви.

В молитве покаянного канона ко Господу нашему Иисусу Христу есть такие слова: «...возведи к пажити Твоей и сопричти мя овцам избранного Твоего стада, воспитай мя с ними от злака Божественных твоих Таинств...» Воспитай, то есть напитай меня Благодатью Святого Духа. Известный дореволюционный педагог И.Скворцов в «Записках по педагогике» говорит: «Слово “воспитание” слагается из слова: “питание” (снабжение организма пищей, необходимою ему для развития) и приставки “вос” (вверх, в вышину) — питание ребенка до достижения им полного возраста. Так что человек состоит из тела и души, и последняя составляет величайшую часть человеческого существа, то и слово “воспитание” применяется главным образом к духовному развитию человека».

Здесь нужно еще добавить, что приставка “вос” имеет отношение не только к продвижению ребенка по возрастной шкале, но и к духовной устремленности — “горе”. В русской словесности есть такое замечательное выражение “обед душевный”. Так вот, различные системы воспитания, различные педагогики отличаются друг от друга прежде всего качеством этого обеда, этого питания и его направлением. Следовательно, о какой единой науке педагогике можно говорить, если то, что “хорошо для русского, для немца смерть”. Очевидно, что задачи и цели воспитания, скажем, у раввина, муллы, учителя немецкой гимназии времен Третьего рейха, американского проповедника ничего общего не имеют с целью воспитания, которую ставит перед собой православный батюшка. Точно так же обстоит дело с другой важнейшей категорией педагогики — образованием. Собственно говоря, образование неотделимо от воспитания, между ними есть взаимообусловленность. Этимология слова образование — от греческого слова икона — образ. Таким образом, для православного человека быть образованным — это значит соответствовать образу, стремиться к святости, запечатленной в образе, иконе. Понятие образование теснейшим образом связано с богословским понятием обожения. В сущности, конечной целью образования, высшей его точкой, является обожение, преображение всего человеческого естества. Это цель христианской жизни, а значит и сверхзадача православной педагогики. Ни одна другая педагогическая система таких задач не ставила и ставить не может.

С воспитанием и образованием теснейшим образом связано понятие «просвещение», которое весьма часто употребляется неверно. В Евангелии от Иоанна читаем: “Был свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир”. Святой праведный Иоанн Кронштадтский говорил по этому поводу: “Современное ложное просвещение удаляет от истинного света, а не приближает к нему. А без Христа тщетно все образование”. Под просвещением на Западе подразумевается прежде всего изучение наук, овладение различными техническими, технологическими умениями и навыками, т.е., по существу, под просвещением понимается обучение, очень важная, но все же прикладная категория педагогики. Восточное, византийское понимание просвещения совсем иное. В молитве Василия Великого ко Святому Причащению читаем: “...и да будет ми Святая сия во исцеление и очищение, и просвещение, и сохранение, и спасение, и во освящение души и тела; во отогнании всякого мечтания и лукавого деяния, и действия дьявольского...” Истинному просвещению, таким образом, здесь противостоит ложное: всякое мечтание, лукавое деяние, дьявольское действие. В молитве св. Иоанна Златоуста сказано: “...сподоби неосужденно

причаститься Пречистых, бессмертных, животворящих и страшных Христовых Таинств... во освещение и просвещение... в потребление и всесовершенное погубление лукавых моих помыслов и помышлений”. У св. Иоанна Дамаскина говорится: “...но прими мя, яко же оныя, и просвети моя душевные чувства...” В православной педагогике, таким образом, категория обучения занимает надлежащее ей место вслед за воспитанием, образованием, просвещением. Роль обучения — техническая, обслуживающая. Поэтому вряд ли есть основание говорить: просвещенная Европа; было бы правильно говорить: обученная, натасканная Европа (не случайно же на Западе так любят всякого рода тренажеры). А степень духовно-нравственной просвещенности Запада все могли оценить совсем недавно по “гуманитарно-санитарным” бомбежкам Ирака, Сербии и т.п. В этой связи хочется подчеркнуть, что истинная просвещенность предполагает благородство души, не позволяющее видеть в другом лишь средство для достижения своих целей и хранящее человека от низости и подлости.

Еще в XIX веке святитель Феофан Затворник Вышенский писал: «Воспитание, оставленное без внимания самому себе, по необходимости принимает направления превратные, ложные и вредные, сначала в домашнем быту, а потом во время обучения. Но и там, где воспитание совершается не без внимания и подчиняется известным правилам, оно оказывается нередко бесплодным и уклоняющимся от цели по причине ложных идеалов и начал, на которых строится порядок его. Не то имеется в виду, не то поставляется главным, что должно; именно не Богоугождение, не спасение души, а совсем другое, - или усовершенствование сил только естественных, или приспособление к должностям, или годность к жизни в свете и проч. Но когда не чисто и ложно начало, по необходимости и утверждающееся на нем не может вести к добру».

Воспитание может быть правильно поставлено, когда оно понимается как спасение. Только в такой постановке воспитание обретает свой смысл как подготовка к жизни в вечности уже здесь, на земле. В основе православного миро-созерцания коренится мысль о невозможности спасения вне Церкви. Воцерковление личности приводит к ее спасению - это и является основной педагогической проблемой.

Воспитание определяется как процесс воцерковления личности. Сразу оговоримся, что воцерковление мы понимаем шире религиозного воспитания. Воцерковить - значит освятить светом веры весь круг понятий и практической жизни человека, положить в основу жизни не только цель развития личности, а цель спасения человеческой души от власти греха и смерти. Спасение не отрицает развития, но лишает его стихийной самоценности. Вне спасения развитие

понимается как самореализация, которая, как правило, разжигает страсти и питает гордость человеческую. В рамках спасения развитие реализуется в формах служения и жертвенности.

Воцерковить - научить не только жить по-христиански, но и мыслить по-христиански, то есть обращаться за руководством не только к науке, но, прежде всего, к учению Церкви. Воцерковить - это значит преодолеть разлад между мыслью и чувством, плотью и духом, знанием и верой; обрести полноту бытия в мире материальном и мире духовном; не исправлять и формировать, а освящать и преображать личность в Духе Истины и Любви.

В основе понятия «образование» лежит слово «образ». Священное Писание свидетельствует о сотворении человека Богом по образу и подобию Своему (Быт. 1, 26-27; 5, 1-2). В Библии не уточняется, в чем именно состоят образ и подобие Божие в человеке, Святые отцы усматривали образ Божий преимущественно в духовной природе человека, в возможности преодолевать свою чувственную природу, возвышаться над законами материального мира, во власти человека над природой, в возможности достижения бессмертия, в разумности человека, в свободе, в совести, в творческих дарованиях, в способности человека ответить на любовь Божию своею любовью к Нему и к Его творению, в чувстве ответственности человека за все творения. Образ Божий в людях хотя и затемняется после грехопадения, но все же сохраняется, оставляя возможным наше спасение.

Исходя из сказанного выше, образование следует понимать как восстановление целостности человека, предполагающее развитие всех его сил, всех его сторон, соблюдающее иерархический принцип в устройении человека.

Иерархический принцип требует такого устройства человека, при котором образ Божий мог бы раскрыться во всей силе, во всей полноте. В православной традиции речь идет в основном о духовном образовании - образовании Духом Святым. Бог открывает истинные знания человеку по мере подготовленности человека к получению этих знаний. Господь открывает Себя чистому, смиренному сердцу. Духовное образование - путь стяжания Духа Святого, путь покаяния, смирения, нравственного очищения в процессе постоянного диалога живой души с Богом живым. Это есть путь христианской мысли, которая, опираясь на Божественное Откровение, на Церковный разум, принимает, по словам В. В. Зеньковского, все, что родилось вне христианства, если это согласуется с началами христианства.

Человеку от младенчества свойственно тянуться к небу. **Педагогическая поддержка врожденной потребности человека к познанию Истины и к Богообщению составляет суть обучения.** Если внутренние потребности человека с детства «заземляются», если учителя и родители в процессе общения передают детям чувство животной самодостаточности, лишая их хлеба небесного, обучение прекращается и заменяется процессом социализации и профессионализации, что можно назвать не обучением, а приспособлением. В процессе приспособления не происходит изменение духовного опыта, а именно оно служит показателем, протекает процесс обучения или нет. Православный смысл такого изменения определяется словом «покаяние». **Мы склонны рассматривать обучение как частный случай покаяния, когда человек осознает свое несовершенство, свое незнание, и не только осознает, но и стремится к преобразению себя.** С этой точки зрения процесс обучения можно рассматривать как помощь кающемуся, стремящемуся к высотам святости человеку.

В основе православного подхода к обучению лежит понимание того, что знания не берутся, а обретаются в процессе обучения, когда процесс обучения направлен на готовность человека осознать, понять и вместить Богом данные знания, когда эрудиция дополняется интуицией, живым опытом Богообщения. Образование сводится не к доказательству истины только силою разума, а к познанию истины как откровения, свидетельства и описания.

Выводы: Православная педагогика - направление педагогической мысли, имеющее предметом исследования духовно-нравственное становление личности.

Православная педагогика имеет особые религиозные, антропологические и гносеологические основы.

Основные понятия педагогики «воспитание», «образование», «обучение» «личность» приобретают особый смысл в свете православной традиции.

6. Исторический экскурс в развитие и становление православной педагогики

Приступая к изучению христианской (православной) педагогики, необходимо осознать следующие принципиальные положения.

Во-первых, православная педагогика - это педагогика воцерковления и спасения, суть её - детоводительство ко Христу. Отсюда следует, что педагогический процесс необходимо воспринимать «с поправкой» на свободную волю воспитуемого и Промысел Божий о его жизни. Если в светской педагогике есть стройные теории о том, как спланировать процесс воспитания, чтобы он дал определенные результаты, которые потом можно будет подвергнуть мониторингу, то в православном воспитании учитель и ученик идут рука об руку, совместно возрастая «в меру возраста Христова». И, несмотря на то, что в иерархической лестнице учитель выше ученика, он наделен большими знаниями и опытом, знает, какие педагогические усилия приложить в той или иной ситуации, это не означает, что результат воспитания будет идеальным. Он сеет зерна, а что взойдет и взойдет ли — в руках Божиих, так как путь ко спасению - это дело двух личностей: Бога и человека. Это не означает, что воспитание можно пустить на самотек - нет, это великая ответственность, высочайшее из искусств, но и впадать в уныние, не видя желаемых плодов, тоже нельзя.

Воцерковить педагогику - это значит наполнить православным смыслом уже сложившийся научный и категориальный строй педагогики как теории, как науки. Педагогика воцерковления - педагогика преображения, направленная на прояснение Образа Божия в человеке, явление Его миру посредством духовно-нравственного совершенствования человека в добродетели, в святости, в достижении даров Святого Духа¹.

Во-вторых, существует довольно обширный корпус православной педагогической литературы, где уже в заголовках обозначены вопросы воспитания. Например, «Педагог» («Воспитатель») святого Климента Александрийского или беседа «О воспитании детей» святого Иоанна Златоуста. Тем не менее, фокусировать своё внимание только на ней, игнорируя произведения нравственного богословия, антропологии, православной аскетики, литургики, аксиологии, истории Церкви и т. д., недопустимо, потому что воцерковление — сложный процесс, который помимо педагогического, имеет еще множество других аспектов. Мы вряд ли найдем главы с «мыслями о воспитании», допустим, у преподобного Исаака Сирина, игумена Никона (Воробьева), святителя Николая Сербского (Велимировича), схиигумена Саввы (Остапенко) или старца Паисия Святогор-

ца, но без знания их творений в современной педагогической практике не обойтись.

В-третьих, изначально и по сей день основы православной педагогики не претерпели коренных изменений, поскольку зиждутся на Священном Писании и Священном Предании Церкви. Изменяются интерпретации того или иного явления, уточняются некоторые аспекты в связи с изменениями в обществе, но суть остается прежней — спасение души во Христе.

Существует два взгляда на возникновение православной педагогики. Первый основывается на том, что православная педагогика — это итог усовершенствования педагогических воззрений предыдущих эпох. Его придерживаются практически все светские историки и теоретики педагогики.

Чтобы приступить к рассмотрению второго взгляда, надо определиться с термином «Православие». Христианство возникло в I веке нашей эры и является мировой религией. Все христиане верят в Господа Иисуса Христа, Спасителя мира. Но в современном христианстве выделяются три основных направления: православное, католическое (с XI в.), протестантское (XVI в.). Слово «Православие» является точным переводом греческого слова «ортодоксия», которое встречалось у христианских писателей со II века, в самом начале оформления и становления христианской Церкви. Называя себя православными (ортодоксальными), христиане подчеркивали правильность своей веры, точное соблюдение учения Христа и апостольских традиций, единство верующихⁱⁱ. В дальнейшем Восточная (Византийская, Греческая) Церковь продолжила следование раннехристианской традиции (от святых апостолов) и прочно закрепила за собой название «ортодоксия» (или «Православие»). Таким образом, Православие есть Церковь Христова на земле. А Церковь Христова — это жизнь со Христом и во Христе, движимая Духом Святымⁱⁱⁱ.

Итак, как пишет А. Рогозянский, второй взгляд на появление православной педагогики основывается на том, что она, как и православная Церковь, дарована свыше, у нее нет предыстории, поскольку единственным хронологическим этапом этой педагогики, который можно зафиксировать, является Рождество Иисуса Христа, Чей Искупительный Подвиг вызвал ее к существованию.

Тем не менее, рассмотрение исторического аспекта православной педагогики без ретроспективы невозможно, потому что нельзя игнорировать Божественный педагогизм, которым отмечены жизнь и движение народов древности к моменту Воплощения Сына Божия и восприятия благой евангельской вести. «Медлительным кажется нам процесс усвоения Свыше данного челове-

честву Откровения. И это не только в жизни людской массы, но и в личном подвиге каждого из нас. Вот два показателя: 1) Синайское Откровение: АЗ ЕСМЬ СЫЙ — потребовало от еврейского народа пятнадцать веков, прежде чем явилось некоторое число людей, способных воспринять восполнение сего Новым Заветом (Ср.: Мф. 5, 17—19) 2) Двадцать веков прошло с того момента, когда в нетварном Свете на Горе Фаворской и затем в сошествии Святого Духа в Сионской Горнице — дано было миру совершенное Откровение о Боге Святой Троице. А много ли таких, кто действительно усвоили его? Нелегко ассимилируется нами жизнь Бога. И те, кто возлюбили пришествие Христа-Агнца Божия, не вмещают полноты изливаемого на них благословения. До боли страдают всю свою жизнь те, кто в горячем порыве веры взяли на свои рамена крест и последовали за Ним (Ср.: Мф. 16, 24). Укреплялись они надеждой по исходе отсюда войти в ту светоносную сферу, «где Он»: *Кто Мне служит, Мне да последует, и где Я, там и слуга Мой будет; и кто Мне служит, того почитит Отец Мой* (Ин. 12, 26)^{iv}.

Необходимо остановиться на двух религиозно-культурных традициях древнего мира: первая — эллино-римская, вторая — иудейская.

Педагогика Древней Греции — явление многообразное. По-разному рассматривали цели и содержание воспитания софисты и Сократ, Платон и Аристотель.

Цель воспитания в античном мире тесно связана с вопросом о назначении человека и с целью его жизни, так как об успешности воспитания всегда говорится относительно решения основных жизненных задач. Поэтому педагогика испытывает на себе влияние философии, а основные педагогические вопросы в античные времена решались в философско-религиозном русле. Педагогика не только рассматривала отношение между людьми, но и затрагивала проблему отношения человека к высшей духовной реальности, изучала, как проецируются религиозные и этические взгляды на педагогическую плоскость (С.И. Гессен, Б.Г. Корнетов, А. Рогозянский).

Первый этап в развитии зрелого этического сознания Древней Греции представлен учением софистов (V в. до н. э.). Софисты отрицали мораль как что-то безусловное и общезначимое. Просветительская деятельность этой школы имела ярко выраженный гуманистический смысл: в центре внимания софистов находился человек (самодостаточная ценность), который имел право на творчество морального закона. Их своеобразным девизом можно считать высказывание софиста Протагора (ок. 485 — ок. 415 вв. до н. э.) «Человек есть мера всех вещей»^v. В нравственных исканиях софисты придерживались эвдемонистической ориентации: в основе этики лежит человеческая интуиция полезности, данная

богами. Важнейшей особенностью позиции этих философов была установка на понимание моральности как разумности и целесообразности. Веря в невидимый мир и высшую реальность, софисты столкнулись с проблемой их познания, которую решить им не удалось, что вылилось в развитие скептических ориентаций софистов. Например, у Горгия (483 – 375 гг. до н. э.) есть триединый тезис о том, что ничего не существует; если что-то существует, то оно непознаваемо, даже если оно и познаваемо, то такое познание невыразимо^{vi}.

Сократ (470/469 — 399гг. до н. э.) рассуждал о том, что главное в человеке — это то, что он мыслящий (Н.И. Жуков, И.Л. Зеленкова, В.М. Пивоев), поэтому его главная задача — познавать мир для личного совершенства и общественного блага. Из этических взглядов Сократа следует, что необходимо научиться правильно жить, а для этого во главе угла человеческого бытия должна стоять истина как наивысшее благо, к которому человеку нужно стремиться. Для разумной жизни человек должен познать добро, потому что человек, знающий добро, не может делать зла.

В века первохристианства Сократа называли «христианином до Христа», потому что он учил о бессмертии души — «опять выходит, что душа бессмертна»^{vii}; о Боге благом и разумном — «а душа (...) удаляющаяся в места славные (...) к благому и разумному богу»^{viii}; о Боге мудром — «А на самом деле, о мужи, мудрым-то оказывается Бог»^{ix}, что тождественно христианскому вероучению о бессмертии души и о свойствах Божиих: «Бог всеблагой», «Бог всеведущий»^x. Кроме того, по словам Платона в «Апологии Сократа», этот мыслитель был осужден за развращение молодежи, которое выражалось в утверждении идеи единобожия и неуважении к общепризнанным богам.

По свидетельству Платона (427 — 347 гг. до н. э.), цель воспитания вне пределов земного существования; человеку необходимо стремиться к истинному бытию — «бестелесным идеям»^{xi}. Платон полагал, что заглянуть в свой нрав «можно только в определенной структуре», то есть внутри идеи. Предметом познания через структуру идеи не могут быть чувственные реалии, так как они не вечны. Мудрость присуща божеству, которое находится в центре мироздания и имеет 2 признака — красота и благо. Человек (причем не каждый) может лишь приблизиться к этой мудрости при помощи органа познания – души.

Педагогические идеи Платона можно разделить на две группы: индивидуальные и социальные^{xii}. К первой относится учение об интеллектуальном и нравственном совершенствовании, связанной с гармонизацией души. Вторая основывается на учении о добродетелях, закрепленных за каждым сословием (правители должны обладать мудростью, воины — мужеством, низшее сосло-

вие — умеренностью). Но в любом случае, человек — солдат Бога и должен стоять на своем посту до тех пор, пока тот его не призовет^{xiii}. Только в сословной иерархии может реализоваться высшая добродетель — справедливость. Справедливость, по мнению Платона, есть даже не отдельная добродетель, а соотношение добродетелей, их пропорция. Добродетель есть справедливость, когда она в соотношении, а отдельно справедливости не существует.

Основная этическая мысль в педагогике Платона: нравственность индивида не существует вне связи с целым, с обществом. Индивидуальное бытие должно быть социально значимым, иначе оно не имеет смысла. В жертву социальной гармонии приносятся интересы отдельной личности.

Идею о том, что индивидуальное бытие оправдывается своей социальной значимостью, развивает в своем творчестве Аристотель (384 – 322 гг. до н. э.). Для Аристотеля человек, прежде всего, — существо общественное и политическое (Н. И. Жуков, В. М. Пивоев). Принимая это за основу, он указывал, что все в человеке зависит от воспитания и освоения культуры своего народа. И здесь особое внимание должно уделяться семье, потому что те традиции, в которых она воспитывает ребенка, впоследствии оказываются сильнее, чем те законы, которые ему предложат общество и государство^{xiv}. Аристотель указывал, что необходимо научить человека быть счастливым: осознать цель своей жизни и воплощать ее. Счастью способствует гармоническое развитие человека, осуществляющееся через воспитание. Его Аристотель впервые обосновал теоретически^{xv}.

Счастлив может быть только добродетельный человек. Добродетель, по Аристотелю, не является врожденным качеством и связана с общественно значимым действием. Таким образом, воспитание играет важную роль в формировании у ребенка добродетелей, основанных на морали (Н. А. Джурицкий, И. Л. Зеленкова). А поскольку морально то, что разумно, целесообразно и служит гармонии, то и воспитание должно основываться на принципах гармонии.

Важным шагом в эллинско-римской педагогике стала констатация личностного характера воспитания, которая получило свое развитие в трудах Квинтилиана (42 — 118 гг. н. э.). В «Воспитании оратора» он замечал, что «к ребенку надо относиться с величайшим уважением»^{xvi}. Надо чтобы наставляющие действия воспитателя не подавляли, а освобождали здоровые силы ребенка для раскрытия его индивидуальных черт и проявления инициативы. Педагог не должен доминировать в отношениях с подопечным, он призван осуществлять помощь в его воспитании. Насильно воспитание осуществить нельзя. Необхо-

димо возбудить в ребенке желание поступать сообразно педагогическим ожиданиям.

Педагогика Квинтилиана диалектична: с одной стороны, ребенок не может воспитываться сам по себе, вне педагогического воздействия, с другой – педагогическое воздействие не способно полностью разрешить мировоззренческие задания взросления личности (А. Рогозянский). Учение Квинтилиана существует в рамках доктрины педагогического оптимизма, то есть основывается на вере в позитивное в ребенке.

Иудейская педагогика также занимает определенное место в истории педагогики. Она базируется на основных представлениях иудаизма, который является одной из древнейших мировых религий, сохранившейся до наших дней и имеющих значительное число приверженцев в разных странах мира. Патриархи древних евреев были сторонниками единобожия и верили в единого Бога Яхве. Вера во всемогущего Бога Яхве составляет основу иудейской религии. Кроме того, важную роль в иудаизме играет догмат о приходе мессии, спасителя, который явится в мир, чтобы произвести суд и воздать праведникам и грешникам по их делам.

Иудейская педагогика, в отличие от античной, являлась педагогией пессимизма. «Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя» (Пс. 50, 7). «Но пустой человек мудрствует, хотя человек рождается подобно дикому осленку» (Иов. 11, 12). Именно таких взглядов придерживались древние евреи: человек порочен по сути своей, он склонен ко греху, дела его ничтожны пред Всевышним^{xvii}.

Иудейская мораль проповедует дуалистичность человеческой природы.

Это выражается в учении о том, что человек состоит из души и тела, и в нем постоянно происходит борьба между добром и злом, чистым и нечистым.

Добро в иудейской традиции – это все, что способствует выполнению заповедей Господних. Соответственно, зло – все то, что препятствует соблюдению этих заповедей.

В иудаизме, где понятия «традиция» и «слово» играют важную роль, педагогическая мысль часто говорит о премудрости. Корпус философско-этических трудов, имеющих педагогическое значение и раскрывающих данный термин, включает в себя такие книги Библии, как: Притчи Соломона, Книга Екклезиаста (канонические), Премудрости Соломона, Премудрости Иисуса, сына Сирахова (неканонические). Из них две указанные канонические книги относятся к учительному разделу книг Ветхого Завета, то есть содержат учение о вере^{xviii}. Дан-

ный педагогический раздел утверждал и обосновывал цель ветхозаветного нравственного воспитания и идеал человека в иудаизме.

Целью нравственного воспитания, которой в конечном итоге подчинялось все воспитание, считалось нахождение примирения с Богом и благоволения в Его очах посредством выполнения заповедей^{xix}. «Если будешь слушать гласа Моего, и будешь исполнять все, что скажу тебе, и сохранишь завет Мой, то вы будете у Меня народом избранным из всех племен, ибо вся земля Моя; вы будете у Меня царственным священством и народом святым. Сии слова скажи сынам Израилевым» (Исх. 23, 22).

Хотя евреи не отрицали, что Бог создал человека по своему образу и подобию, они уделяли большое внимание проповеди греховности человека (Н. Невзоров, И. Фролов). Именно греховность является источником зла и причиной смерти. Призывая к отрешению от жизни земной, иудаизм учит человека приготовлению к жизни вечной. «Помни истление и смерть и соблюдай заповеди» (Сир. 28, 6), «Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь» (Сир. 7, 39), «Мысль об ожидаемой и день смерти производит в них размышление и страх сердца» (Сир. 40, 2). Об этом говорилось в книге Премудростей Иисуса, сына Сирахова, имеющей большое педагогическое значение в иудаизме. Таким образом, ребенок с раннего детства должен был готовиться к загробной жизни.

О неизменности правил воспитания говорит тот факт, что оно строилось на Пятикнижии (Торе), где сказано, что моральные устои (заповеди) были открыты Богом Яхве пророку Моисею на горе Синай и предписаны для всех людей на вечные времена.

Господь Иисус Христос, с момента рождения Которого в мире наступает новая эра в истории человечества, не разрабатывал религиозно-философских теорий, не создавал учений и не оставлял после Себя никаких записей. Но Он был не только проповедником, но и образцом иного бытия (иного для эллино-римского и иудейского общества): Божественного в человеческом, бытия человека в действенной любви к ближнему и в служении ему. Это противоположно эвдемонистическому, гедонистическому, утилитарному существованию в эллино-римском мире и не имеет ничего общего с формальным выполнением внешних этических законов в иудаизме. Важна сама причина, побуждающая человека служить другим людям: такой причиной должны быть любовь и сострадание, но не корыстные соображения индивидуального спасения или достижение физической и духовной гармонии с миром. В одном евангельском эпизоде говорится: «Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога

твоего всем сердцем твоим и всею душою и всем разумением твоим; Сия есть первая и наибольшая заповедь; Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22, 37 – 40).

Сутью же воспитания становится Спасение, которое понимается как Божий дар людям (через обретение любви к Богу и ближнему – обретение бессмертия, то есть жизни вечной) и которое основывается на вере, что, по определению апостола Павла, «есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11, 1).

Ключевой фигурой христианства является Иисус Христос, «автор Священного Писания и основной предмет его повествования»^{xx}. Тем не менее, особую роль играет не Его учение, философские взгляды, а Его Личность. Выйдя на проповедь о Христе, апостолы не пересказывают слова Спасителя. Кроме того, Евангелия написаны позже посланий апостола Павла. Эти факты говорят о том, что христианская философия по отношению к мистическому бытию Христа вторична (митр. Кирилл (Гундяев), диак. А. Кураев).

И, тем не менее, христианская философия, на которой основывается православная педагогика, существует, и складывается она из ряда учений. Это, прежде всего, учение о спиритуалистическом единобожии, углубленное учением о троичности лиц в едином существе Божиим; учение о Боге как об абсолютном Духе («Господь есть Дух» (2 Кор. 3, 17)), Который всемогущ, всеведущ, есть абсолютная Любовь и Благодать, вечен, беспределен («Я есть Сущий» (Исх. 3, 14), «Я есть Альфа и Омега, начало и конец» (Откр. 1,8), «Господь Бог есть Истина» (Иер. 10, 10), «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 1, 5), «Бог есть Любовь» (1 Ин. 4, 8)); учение об абсолютной ценности человеческой личности как об одухотворенном, бессмертном существе, Которое Господь сотворил по Своему образу и подобию («И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему» (Быт. 1, 26)); учение о полном господстве духа над материей (Бог чужд телесности и материальности, материя подчинена Богу всецело и навеки); учение о зле – оно не сущность, имеющая самостоятельное бытие, а уклонение живых существ от такого состояния, в которое поставил их Творец (Бог не виновник зла, оно исходит от самих существ, нарушающих волю Божию); учение о воскресении мертвых («Наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения» (Ин. 5, 28 – 29)); учение о Богочеловеке, воплотившемся и вочеловечившемся для спасения

людей от греха – Предвечном Сыне Божиим, отождествляемом с христианской церковью, – об Иисусе Христе^{xxi}.

Антропологический аспект христианской философии наиболее важен для православной педагогики. Высокое назначение человека заключается в том, что он создан по образу и подобию Божию. Это свидетельствует об отражении в его духовной природе свойств Божиих. Помимо возвышенного взгляда на духовную природу, христианство придерживается также возвышенного воззрения на значение человеческого тела, которое должно служить спутником, органом и даже сотрудником души.

Назначение человека, выраженное непосредственно в его жизни, – это слава Божия, постоянное духовное совершенствование (чтобы стать достойным Первообраза), посредничество между миром природы и Творцом (реализация царственного положения человека на земле).

Основными отличиями между концепциями философских школ и Православием являются их смысловое ядро и направленность. Смыслом устремлений вышеперечисленных философских школ является человек, которому все подчинено и которому все должно служить. В Православии – это Бог. Философские школы предлагают умозаключения абстрактного или конкретно-практического характера. На них необходимо строить жизнь, которая может привести или не привести к некоей идеальной модели, воплощенной на бумаге, человеком или ограниченной социальной группой. Православие предполагает образ жизни, философские выкладки по отношению к которому факультативны. Это реальная жизнь во Христе, а не по философской концепции Христа, идеальную модель которой уже воплотил в жизнь Богочеловек. Об этой жизни свидетельствуют тысячи святых, почитаемых Церковью, чье появление не прекращается и по сей день. Данный вывод важен для осмысления в дальнейшем ключевых различий между светской и православной педагогикой в теории и истории. Кроме того, это объясняет факт выбора гармонического характера воспитания в светской и иерархического характера – в православной педагогике (подчинение всего процесса воспитания духовно-нравственному воспитанию).

Прежде чем приступить к анализу развития и становления православной педагогики, необходимо сделать акцент на следующих двух положениях. Первое касается понятия «духовность» и его отличия от понятия «душевность». Духовность есть действие Святого Духа в человеке. Из работы митрополита Иерофея (Влахоса) «Православная духовность», следует, что духовность Православной Церкви есть плод внутреннего усилия человека, но его нельзя путать с проявлениями душевных энергий, таких как разум, чувства. По учению апосто-

ла Павла, духовный человек четко отличается от человека душевного. Духовным является тот человек, который имеет в себе действие Святого Духа, тогда как душевным человеком является тот, у кого есть душа и тело, но кто не стяжал Святого Духа, дающего жизнь душе^{xxii}. Второе положение касается определения границ понятия духовно-нравственного воспитания в православной педагогике. В отличие от аналогичного понятия «нравственного воспитания» в светской педагогике, духовно-нравственное воспитание не является отдельной задачей православного воспитания, а пронизывает все его задачи. Таким образом, существует некоторое тождество между понятиями «воспитание» и «духовно-нравственное воспитание» в православной педагогике, границы которого определяются спецификой контекста использования того или иного термина.

Христианское воспитание в широком смысле этого слова появилось одновременно с христианством, с возникновением христианской семьи, христианского уклада жизни (А. Рогозянский, Л. В. Сурова, игумен Георгий (Шестун)). Поэтому духовно-нравственное воспитание у ранних христиан (30 – 130 гг.) носило ярко выраженный укладный характер и реализовывалось через среду, церковные и общинные установления. Первохристиане чувствовали себя чужими в языческом мире, что побуждало их объединяться в замкнутые общины. Несмотря на неприятие мира, христианам предписывалось повиновение государству (по словам Христа о римлянах: «Воздайте кесарю кесарево»). В общинах царило строгое правило культа, обязывающее верующих посещать ежедневные молитвенные правила. Кроме того, существовала администрация общины, главной задачей которой было наблюдение за правами людей и поддержание их благосостояния. В христианских общинах были более строгие, чем в языческом государстве, установления о браке и семейной жизни^{xxiii}. Таким образом, ребенок оказывался погруженным в однородное социально-культурное и религиозное пространство, в котором воспитывался.

«Нет никакого высшего искусства, как искусство воспитания», – говорит святитель Иоанн Златоуст. Первохристиане под словом «воспитывать» подразумевали «делать из детей достойных сынов Царствия Божия» путем запечатления в детском уме и сердце живого познания Иисуса Христа. То есть с детства человеку внушались вероучительные истины о Боге и прививались такие качества, как: почтение к родителям и старшим, терпение, прощение обид, незлобие, стыдливость, благотворительность и целомудрие^{xxiv}. Кроме того, сразу же устанавливается приоритет духовно-нравственного воспитания, пронизывающего все сферы деятельности человека, поскольку ум и сердце будут направле-

ны на Христа и в труде, и в решении интеллектуальных задач, и в эстетическом совершенствовании, и в физической деятельности.

Впоследствии пристальное внимание стало уделяться воспитанию духа, то есть понятие «воспитание» стало тождественным понятию «воспитание духа». «Телесное обучение в мале есть полезно, а благочестие на все полезно есть, обетование имеющие живота нынешнего и грядущего» (1 Тим. 4, 7). Воспитание духа происходило путем внушения детям страха Божия, который есть «ключ к премудрости и страж добродетели», приучения к молитве и развития совести. Наставление направляется главным образом не на внешние признаки, или принадлежности, или последствия худого дела, а на внутреннее состояние духа, которое от него происходит, то есть на страдание сердца и совести^{xxv}.

В приведенных выше рассуждениях о воспитании использовались такие понятия, как «дух», «страх Божий», «молитва», «совесть» и «сердце», которые требуют пояснения.

Итак, поскольку человек был создан по образу и подобию Божию, а всякий образ предполагает сходства со своим первообразом, то раз Бог есть Дух (2 Кор. 3, 17), то и человек наделен духовной природой. Из склонности человека ко греху образ Божий в нем замутился, поэтому необходимо приобщить человека к праведной жизни, достойной христианина, чтобы сохранить его духовную природу невредимой.

Страх Божий – «начало любви и потом в нее переходит. Страх Божий, собственно, не боязнь Бога, а боязнь отпасть от Бога и впасть в грехи и страсти». Так учит святой Климент Александрийский. Блаженный Диадок дополняет его слова следующим: «...Страх есть принадлежность праведных, только еще очищаемых, в коих существует средняя мера любви, а совершенная любовь есть принадлежность уже очищенных, в коих нет страха, так как совершенная любовь вон изгоняет страх (1 Ин. 4, 18)»^{xxvi}. Таким образом, видно, что страх Божий – это не слепая боязнь кары за грехи, а ступень к совершенной жизни. Он способствует смягчению сердца, очищению человека от грехов и страстей и ведет его к совершенной любви.

Молитва – это возношение ума и сердца к Богу, являемое благоговейным словом человека к Богу^{xxvii}, то есть богообщение. Святитель Феофан Затворник указывает, что без молитвы нет духовной жизни, а преподобный Иоанн Карпафский считал, что через молитву человек обретает некое сердечное небо, где обретает Христос, то есть соединяется с Господом. «Когда Бог сотворил человека, – учил авва Дорофей, – то Он всеял в него нечто Божественное, как бы некоторый помысл, имеющий в себе, подобно искре, и свет и теплоту; помысл,

который просвещает ум и показывает ему, что доброе и что злое, – сие называется совестью, а она есть естественный закон»^{xxviii}. Совесть – это голос Божий в человеке, «нелицемерный судья», неумолимый обличитель, показывающий тяжесть преступления. Она – закон, Богом начертанный в сердцах людей (Рим. 2, 15). Совесть является духовным качеством человека, которое, как и молитва, связывает его с Богом.

В Священном Писании есть представление о сердце как о центре телесной и, главное, духовной жизни, с помощью которого человек отзывается на впечатления из внешнего мира и свои переживания. Общение с Богом осуществляется именно в сердце (Мф. 5, 8), поэтому оно считается высшим и совершенным органом богопознания, восприятия и познания духовного мира.

Значит, воспитанным в христианском смысле человеком был тот, чей дух непрестанно стремился к Богу посредством страха Божия, молитвы, совести и чистого сердца.

Живое познание происходило через усвоение вероучительных мыслей, освященных именем Бога, участием в богослужении, приобщением к таинствам Церкви, то есть через соответствующий образ жизни. Умственное воспитание сводилось к усвоению Слова Божия. Блаженный Иероним (II в.) рассказывал, что дети первохристиан имели прописи с изречением из Священного Писания, читали само Священное Писание и заучивали наизусть отрывки текстов^{xxix}.

Духовно-нравственное воспитание основывалось на усвоении таких качеств и норм как: любовь, смирение, страх Божий, почтение к родителям и старшим, терпение, прощение обид и незлобие, скромность, стыдливость, покорность, молчаливость, благотворительность и, главное, целомудрие^{xxx}.

Об отношениях в ранних христианских общинах рассказывает руководство для христианских общин «Дидахе» (сочинение неизвестного автора, причисляемого к эпохе Святых Отцов), которое состоит из 16 глав. В нем прослеживается четкая преемственность в традициях воспитания детей: «не отнимай же руки своей от сына или дочери, но от юности учи их страху Божию» (гл. V, 9), «если же сам учащий (...) (будет учить) для преумножения справедливости и познания Господа, примите его, как Господа» (гл. XI, 2), «рукополагайте себе епископов и дьяконов, достойных Господа, мужей кротких, истинных, испытанных; они тоже исполняют у вас службу пророков и учителей. Поэтому не презирайте их, они — ваши почтенные, наряду с пророками и учителями» (гл. XV, 1 – 2)^{xxxi}.

Из данных правил христианской общины можно заключить, что развитие идей воспитания у ранних христиан происходило под главенствующим влияни-

ем религии: ценится любовь, милосердие (гл. XII и XIII), устремление к Царствию Небесному (гл. V), страх Божий (гл. V), почтение к старшим и учителям (гл. XI и XV).

Во II веке распространение получает катехуменат, то есть установление древней церкви для «оглашения» и «просвещения» кандидатов крещения. «Оглашенными» назывались в древней церкви те, кто из язычества или иудаизма приходили к христианской вере^{xxxii}. Перед принятием веры они проходили через приготовление, заключающееся в наставлении в вероучительных истинах и в религиозных действиях (молитве, постах). Таким образом, происходило воспитание христианского образа жизни. Общее приготовление занимало три месяца, а специальное от 3 до 10 дней. Перед крещением люди молились, бодрствовали и калялись в совершенных грехах.

Содержанием духовно-нравственного воспитания являлось усвоение положений о едином Боге, о Святой Троице, о творении мира и человека, о грехопадении прародителей, о воплощении Сына Божия и Его Искупительном Подвиге, о всеобщем воскрешении и Страшном суде, то есть тех истин, которые обязан знать каждый христианин.

Наиболее влиятельными древними христианскими школами были Александрийская, Сирийская (и ее преемница Антиохийская) и Латинская.

Александрийская школа, основанная, по преданию, евангелистом Марком, известна у древних христиан под следующими названиями: «наставница верных», «училище священных наук», «училище александрийское», «огласительное училище»^{xxxiii}. На первой ступени учащиеся изучали грамматику, диалектику, логику, геометрию, астрономию, естествознание, пифагорейскую теорию чисел. Впоследствии к ним добавились поэзия, музыка, медицина, риторика. На второй ступени преподавалась философия. Таким образом, видно, что Александрийская школа наследовала греческую традицию образования, ее платоновскую линию, где существовал поиск равновесия между верой и знанием. Особое место отводилось изучению Священного Писания как средству духовно-нравственного воспитания. Лекции по Священному Писанию читались для того, чтобы всех привести к истинной вере во Христа.

Сирийская христианская школа была создана, по преданию, апостолом Фадеем (I в., ум. ок. 44 г. н. э.) в Эдессе. Здесь Священное Писание изучалось досконально (лексика, грамматика, синтаксис, пунктуация, повод, обстоятельство, цель). Высшей точкой развития сирийской школы стала Антиохийская школа, преемница Эдесской, ярким представителем которой был святитель Иоанн Зла-

тоуст (347 – 407 гг.). Основными методами обучения в Антиохийской школе были чтение, письмо и размышление над библейским содержанием, служившее средством к духовно-нравственному становлению воспитанников. Именно поэтому столько внимания уделялось разным аспектам изучения Священного Писания. Человек должен был стараться понять Слово Божие как можно полнее, чтобы впоследствии исполнить его в точности.

Латинская христианская школа наследовала римской культуре и, соответственно, римской образовательной традиции, но только по сути. То есть общее образование в латинской школе было, как у греков, однако из нее удалили философию, потому что Древнему Риму важна была практика, к которой философия отношения не имела (А. П. Дьяконов, Л. В. Сурова).

Одним из великих подвижников латинской школы был Августин Блаженный (354 – 430 гг.), который в 396 году создал монастырскую школу в Иппоне. Цель школы была воспитать служителей церкви, поэтому учащиеся изучали Закон Божий, Священное Писание, риторику. Поскольку людей ориентировали на пастырское служение, то они должны были не только в совершенстве овладеть знаниями, но и уметь преподавать их другим. Августин также установил следующие требования: отречение от мирской жизни, аскетизм, благочестие^{xxxiv}.

Другая известная латинская христианская школа — это школа Кассиодора (ок. 487 – ок. 583 гг.) в Остготской Италии. Он основал обитель, основой жизни которой был труд. Кассиодор большое внимание уделял труду умственному, который, по его мнению, включал в себя как упражнения в чтении Священного Писания, так и поддержание своей образованности в религиозно-христианском и светско-классическом русле^{xxxv}. Он требовал от монахов самообразования и обучения юношей, сам показывая им пример. Сегодняшние иезуитские школы имеют то же основание, что и у Кассиодора.

В 395 году возникло Византийское государство, которое стало важным звеном в развитии европейской культуры и образования. Необычайно выгодное положение способствовало его процветанию: оно находилось на перекрестке торговых и культурно-политических путей Востока и Запада. Однако формирование Византийской культуры происходит под доминирующим влиянием христианства. Все важнейшие отрасли знания в Византийской империи в основном продолжали и развивали наследие классической Греции эллинистического и римского периода. Этому наследию придавалась богословская направленность, или же оно перерабатывалось в соответствии с христианским вероучением^{xxxvi}.

В течение IV – V вв. на территории Византии сохранялись языческие центры просвещения, но появлялись и христианские школы в Александрии, Афинах,

Бейруте, которые продолжали образовательные традиции существовавших в данных областях древнехристианских школ. В V в. в Константинополе был организован государственный университет, призванный готовить ученых и государственных чиновников.

Задачей религиозного воспитания того времени являлось приведение человека к гармонии между земным и небесным существованием через усвоение и выполнение религиозно установленных нравственных норм.

В VIII – IX вв. возникает государство Русь с центром в Киеве. В 988 г. Русь крестилась. Христианство, воспринятое из Византии и превращенное в государственную религию, являлось мощнейшим идеологическим и социальным фактором. Отличительной стороной воспитания в Древней Руси было приобщение человека к Православию с самого раннего возраста. Школой душевного спасения для жителей была церковь с ее священником^{xxxvii}.

В первом тысячелетии исторического существования отечества можно выделить два периода: древний до Петра и новый – от Петра до 60-х гг. XIX в. В эти два периода укладываются следующие этапы развития русского образования: X–XVII вв. – церковно-религиозная педагогика; XVII – до второй половины XIX в. – государственная педагогика. А со второй половины XIX в. выделяется период общественной педагогики^{xxxviii}.

Первый период в развитии отечественного образования характеризуется преобладающим положением Православной Церкви и ее мировоззрения в жизни народа и его образования.

В X – XI вв. появляются первые христианские учебные заведения: в Киеве (для детей дружинников), в Новгороде (для детей старост и священников), женское училище в Киеве. В школах готовили духовенство и грамотных людей для государственной службы. В женском училище девушки изучали чтение, письмо, пение, швейное дело. Учебными книгами того времени были Псалтирь, Книги Ветхого и Нового Завета, откуда воспитанники черпали понятия о нравственности, приобретали представления о нравственной жизни.

Важнейшей основой просвещения Руси служила христианская вера. Она внесла новые, животворные начала в русское воспитание, определила нравственный характер народной жизни. Христианская вера сообщила религиозно-церковное направление русской жизни. Религиозный дух господствует и в сочинениях духовного содержания, и во взглядах наставников и государственных деятелей^{xxxix}.

В XI – XII веках в Киевскую Русь проникают тексты педагогического содержания «Златоструй», «Златоуст», «Пчела», «Измарагд». В педагогической ли-

тературе того времени содержатся советы о воспитании у детей благочестия, о почитании родителей и старших, советы родителям, как обеспечить физический рост и здоровье, нравственное и умственное развитие детей, держать их в строгости, применять в случае непослушания телесные наказания, и тем не менее, воспитывать строго, но ласково^{xl}.

С XII века до сегодняшней педагогической общественности дошло «Поучение князя Владимира Мономаха детям», где князь указывает типичные для духовно-нравственного воспитания того времени ценности: любовь к Родине, трудолюбие, храбрость, мужество, отвагу, отзывчивость, милосердие, сострадание, уважение к старшим, любовь к ближним, культ добрых дел. Кроме того, Владимир призывает детей усердно изучать грамоту^{xli}.

Во времена монголо-татарского нашествия (XIII – XV вв.) можно отметить две тенденции: развитие грамотности среди населения Новгородских, Тверских, Владимирских, Московских земель и княжеств; распространение ересей, центр которых был в Новгороде. Еретики отличались ученостью, обладали знаниями по астрономии, естествознанию, философско-богословским вопросам. Среди «мастеров грамоты» было множество людей, находившихся в оппозиции к ортодоксальному христианству. Если Православие призывало к смирению и покорности Церкви (опираясь на изречение священномученика Киприана Карфагенского «Кому Церковь не мать, тому Бог не отец»), то еретики ратовали за свободу и «самовластие души» (Федор Курицын, «Написание о грамоте», XV в.).

Памятником педагогической мысли того времени является «Азбука» Ивана Федорова, которая содержит молитвы и наставления религиозного характера. Он призывает воспитывать детей в милости, кротости, терпении, смирении, любви и благоразумии, в этом видя идеал нравственного человека. «Азбука» является первой российской учебной печатной книгой.

В XVI веке появляется произведение «Домострой», которое содержит мысли о воспитании в главах «Како детей своих воспитывати во всяком наказании и страхе Божии», «Како детей учити и страхом спасати». Названия глав свидетельствуют об усилении строгости воспитания в ортодоксальном духе в ответ на распространение пагубных ересей. Во главу угла воспитательного процесса ставится страх Божий. Дисциплина сурова, образ жизни регламентирован религиозными обрядами, таинствами. Применяются телесные наказания.

Родители должны любить своих детей, заботиться об их духовном росте, прививать им душеспасительные качества: смирение, кротость, терпение, му-

жество, уважение к старшим, настойчивость, трудолюбие, вежливость, бережливость^{xlii}.

XVII век – начало нового периода русской истории – был и новым этапом в истории отечественной педагогики, который продолжался до второй половины XIX века и известен как период государственной педагогики. Растет число православных школ: Ф. Ртищева при Андреевском монастыре, греческая школа Е. Славенецкого при Чудовом монастыре, греко-латинская Заиконоспасская школа С. Полоцкого при Спасском монастыре. На передний план приходит интеллектуальное воспитание учащихся (на основе латыни, греческого, риторики, философии, основ математики), подкрепляемое духовно-нравственным воспитанием – люди усваивали нормы морали, глубоко анализируя примеры из Священного Писания, чтению которого отводилось много времени. Кроме того, на воспитание благочестия оказывала влияние непосредственная близость монастырей, в жизни которых (и прежде всего, богослужениях) люди могли участвовать.

В XVIII веке появляются начальные архиерейские школы, духовные семинарии с широкой образовательной программой. О главном средстве духовно-нравственного воспитания в то время писал Н. И. Бецкой: необходимо внушать детям страх Божий, изолировать их от тлетворного влияния окружающей среды, окружить положительными примерами. Детей нужно воспитывать в трудолюбии, учтивости, сострадании. К средствам религиозного воспитания можно причислить слово (проповедь), молитву и живой пример наставника («Горе человеку тому, имже соблазн приходит» (Мф. 18, 7)).

Тем не менее, происходит «обмирщение» школ: на смену изучения Закона Божьего, катехизиса, церковного пения приходят математика, астрономия, геодезия, инженерное дело и другие науки.

В первой половине XIX века педагогика характеризуется усилением религиозного воспитания. В планы всех школ вводится «Чтение из Священного Писания». В приходских и уездных училищах изучают Закон Божий. Детям из низших слоев в приходских училищах преподают нравоучение, разбирают главы из книги «О должностях человека и гражданина», осуществляют их религиозное воспитание.

Во второй половине XIX века появляется документ, который считается вехой в истории православной педагогики, – «Правила о церковно-приходских школах», утвержденные Государем Александром III 13 июня 1884г., где сказано, что цель школ – утверждать в народе православное учение веры и христиан-

ской нравственности, сообщать первоначальные полезные знания, причем попечение о народном образовании возлагалось на духовенство^{xliii}.

К наследию православной педагогики XIX – начала XX века можно отнести труды философов, общественных деятелей и педагогов: В.И. Даля («Письмо к издателю»), Н.Я. Данилевского, Н.И. Ильминского, И.В. Киреевского, К.П. Победоносцева, А.С. Пушкина (статья «О народном воспитании»), С.А. Рачинского, А.С. Хомякова, – а также представителей православного духовенства: священника Иоанна Восторгова, святого праведного Иоанна Кронштадтского, архиепископа Луки Войно-Ясенецкого, архиепископа Фаддея (Успенского), святителя Филарета Московского (Дроздова), святителя Феофана Затворника. Все они, опираясь на произведения своих предшественников (свт. Димитрия Ростовского, свт. Тихона Задонского и других), на святоотеческую литературу и, конечно же, обращаясь к авторитету Священного Писания, развивали идеи православного духовно-нравственного воспитания. В начале XX в. святой праведный Иоанн Кронштадтский (1829 – 1908 гг.), известный законоучитель, говорил: «Современная школа не дает познания воли Бога Живого, не дает и понимания того, как жить по вере и творить добро, не отвечает ни на основной мировой вопрос о том, что есть истина, ни на насущный жизненный вопрос о том, как жить»^{xliv}. В его словах можно увидеть, что цель православного воспитания не претерпела за многие века изменений – это познание воли Бога Живого, соединение с Богом, и осуществляется она так же, как и во времена первохристианства, – надо жить по вере, участвовать в церковных таинствах и любить Бога и ближнего всем сердцем.

Декрет СНК РСФСР от 20 января 1918 года, подписанный В. И. Лениным, определил дальнейшую судьбу православной педагогики в России, то есть сделал школу полностью светской. Церковь объявили «рассадником нравственных пороков» (А. Луначарский), поэтому центрами развития идей православной педагогики становятся Париж, Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Джорданвилл, а также малочисленные монастыри, православные общины, чудом Божиим уцелевшие в России. Кроме того, в России же остается семейное воспитание, основанное на православных традициях. Лишь в конце XX века можно говорить о возрождении Православия, православного образования и воспитания.

ⁱ Шестун Е., свящ. Православная педагогика. — М.: Православная педагогика, 2001. — С. 28

ⁱⁱ Бородина А. В. История религиозной культуры: Основы православной культуры: Учебное пособие. – М.: Издательский дом «Покров», 2002. — СС. 19 — 20

ⁱⁱⁱ Шестун Е., свящ. Православная педагогика, 2001. — С. 17

-
- ^{iv} Сахаров С., архим. О молитве: Сборник статей. — М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, 2003. — С. 19
- ^v Зеленкова И. Л. Основы этики: Учебное пособие. — Минск: ТетраСистемс, 1998. — С. 51
- ^{vi} Зильбер А. П. Трактат об эйтаназии. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. — С. 57
- ^{vii} Платон. Диалоги. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. — С. 398
- ^{viii} Там же, С. 413
- ^{ix} Там же, С. 321
- ^x Закон Божий / Под ред. свящ. Максима Козлова. — М.: Сретенский монастырь, Новая книга, Ковчег, 1998. — СС. 30 — 31
- ^{xi} Рогозянский А. У истоков педагогики христианства // Журнал Московской Патриархии. Электронная версия. — 2000. — №№ 3 — 5
- ^{xii} Там же
- ^{xiii} Зильбер А. П. Трактат об эйтаназии, 1998. — С. 166
- ^{xiv} Обучение с целью уменьшения насилия. Сб. научных статей по проблемам педагогики ненасилия. Материалы XXIII Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург 18 апреля 2002 г.) / Под ред. Гавриловой М. С., Козловой А. Г., Маралова В. Г., Ситарова В. А. — СПб.: Verba Magistri, 2002. — С. 27
- ^{xv} Джурицкий А. Н. История педагогики древнего и средневекового мира, 1999. — С. 46
- ^{xvi} Там же, С. 57
- ^{xvii} Религии народов современной России. Словарь. — М.: Республика, 1999. — С. 118
- ^{xviii} Бородина А. В. История религиозной культуры: Основы православной культуры: Учебное пособие, 2002. — С. 63
- ^{xix} Рогозянский А. У истоков педагогики христианства // Журнал Московской Патриархии. Электронная версия. — 2000. — №№ 3 — 5
- ^{xx} Кураев А., диакон. Библия в школьной хрестоматии. — М.: Высшие православные пед. курсы «Со-действие», 1995. — С. 34
- ^{xxi} Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 Т. / Ред. кол. Аверинцев С. С. (гл. ред.) и др. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. — Т. 3 — С. 395
- ^{xxii} Иерофей (Влахос), митроп. Православная духовность. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1999. — СС. 8 — 9
- ^{xxiii} Раннее христианство: В 2 Т. — М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2001. — Т. 1 — С. 316
- ^{xxiv} Школа православного воспитания / Сост. А. Н. Стрижев. — М.: Паломник, 1999. — С. 237
- ^{xxv} Опыты православной педагогики, 1993. — С. 118
- ^{xxvi} Добротолубие. Избранное для мирян. — М.: Издание Сретенского монастыря, 1998. — СС. 13 — 14
- ^{xxvii} Закон Божий, 1998. — С. 387
- ^{xxviii} Добротолубие, 1998. — С. 196
- ^{xxix} Школа православного воспитания / Сост. А. Н. Стрижев. — М.: Паломник, 1999. — С. 234
- ^{xxx} Опыты православной педагогики / Сост. А. Стрижев, С. Фомин // Литературная учеба. — 1993. — Кн. 5 — 6. — С. 111
- ^{xxxi} Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. — М.: Политиздат, 1990. — СС. 197 — 198

-
- ^{xxxii} Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 Т. / Ред. кол. Аверинцев С. С. (гл. ред.) и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. – Т. 1 – С. 704
- ^{xxxiii} Там же, Т. 3, С. 328
- ^{xxxiv} Там же, Т. 1, С. 21
- ^{xxxv} Там же, Т. 1, С. 698
- ^{xxxvi} История Византии: В 3 Т. / Ред. кол. С. Д. Сказкин и др. – М.: Наука, 1967. – Т. 1 — С. 379
- ^{xxxvii} Латышина Д. И. История педагогики. Воспитание и образование в России (X – начало XX века): Учеб. пособие. – М.: Издательский Дом «ФОРУМ», 1998. — С. 8
- ^{xxxviii} Там же, С. 93
- ^{xxxix} История образования и педагогической мысли за рубежом и в России: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / И. Н. Андреева, Т. С. Буторина, З. И. Васильева и др.; Под. ред. З. И. Васильевой. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. — С. 68
- ^{xl} История педагогики: Учебник для студентов пед. ин-тов / Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский, М. Ф. Шабаева. – 5-е изд., доп. и перераб. – М.: Просвещение, 1982. — С. 144
- ^{xli} Там же, С. 145
- ^{xlii} Там же, С. 148
- ^{xliiii} Школа православного воспитания, 1999. — С. 5
- ^{xliv} Там же, С. 22